

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

10 Června 1934.

Volné Kozáctvo

Ročník VII.

10-го июня 1934 г.

154

10-го червня 1934 р.

П Р А Г А

П Р А Г А

ГОД ИЗДАНИЯ 7-ой

РІК ВИДАННЯ 7-ий

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Павел Поляков: Хутор Разуваев. (Verše).
 2. И. К. Скубани: Возвращение. (Návrat).
 3. Иван Назаров: Метель. (Verše).
 4. Сергій Савицкий: До бувших Отманів. (Verše).
-
5. Трагедия Казачества. (Tragedie Kozáctva).
 6. Т. Стариков: И. В. Турчанинов. (I. Turčaninov).
 7. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
 8. Открытое письмо ген. Богаевскому. (Otevřený dopis gen. Bohajevskému).
 9. Открытое письмо „О-ву Р. К. в Париже“. (Otevřený dopis „O. R. K.“).
 10. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
 11. А. Литовкин: Душу положившим за родные Края. (Život svůj obětovavším za vlast).
 12. В Казакии. (V Kozácku).

Почтовый ящик.

S-t L'ón. — В. Д. — Получено привет.
Швеция. — Д. Т. — Получено. Привет.
Бурастель. — П. К. — Ответ — письмом. Привет.
Польша. — О. К. — Дістали. Вітаємо.
Брюссель. — Г. Р. — Ответ — письмом. Привет.
Польша. — Д. У. — Ответ — письмом. Привет.
Югославия. — К. К. — Поднятые Вами вопросы подлежат как раз решению Б. Круга. Как он решит, так и будет. Меньшинство должно будет подчиниться большинству, иначе споры никогда не кончатся. Всем угодить, конечно, нельзя, но если каждый в. к. поступится частью своего в пользу общего, тогда все будет хорошо. Привет.
Августов. — Ф. С. — Письма, о котором Вы пишете, не получали. Дошлите список. Привет.
Санс. — А. К. — Ответ — письмом.
Белосток. — К. — Получено. Привет.
Лилль. — В. Б. — Поздно прислали. Фотография будет помещена в следующем номере. Привет.

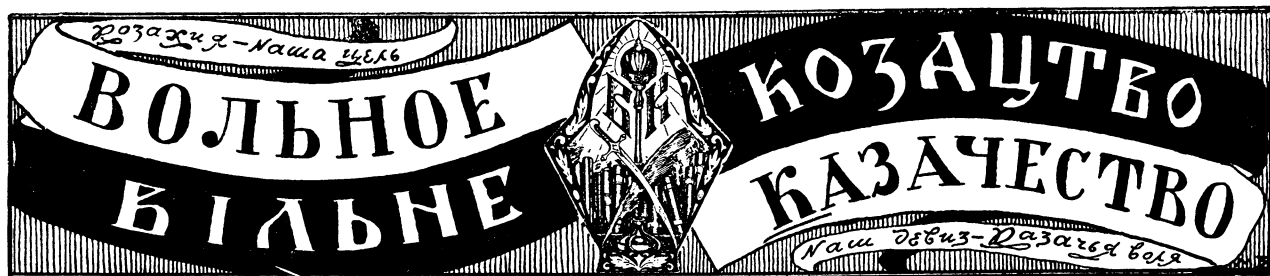
Белград. — К. М. Фотография будет помещена в следующем номере. Привет.
Виши. — С. Ч. — Получено. Вопрос о вступлении в организацию решите по указанию Окружного Атамана. Привет.
Д. Сарынь. — И. Б. — Все получено. Привет.
Виши. — Д. Ч. — Получено. Привет.
Граево. — В. Е. — Ответ — письмом. Привет.
Южин. — И. О. — Думаю, что все уладится в конце концов к лучшему и у вас в Южине. Привет.
Новый Сад. — П. Н. — Ответ — письмом. Привет.
Виши. — В. Ф. — Журнал Вам высылается исправно.
Коломбель. — В. С. — Получено. Привет.
Суботица. — М. Ч. — Журнал посылается. Привет.
Бразилия. — С. С. — Все получено. „До Еріо“ будет напечатано. Привет.
Швеция. — А. Т. — Переслано. Привет.
Дижон. — Я. Б. — Получено и принято к сведению. Привет.
София. — И. Е. — Исполнено. Привет.
Румыния. — И. К. — Ответ — письмом. Привет.

Гонорар не платится.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.
Редакция не входит в переписку по поводу непринятых к напечатанию рукописей.

Прошу отозваться всех сотрудников, которые интересуются вопросами специально детской (и для юношества) казачьей литературы. В отклике-ответе прошу высказать свои соображения о специальном отделе в нашем журнале для детей и юношества.

И. Билый

— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый.

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207 Tchécoslovaquie.

№ 154

Воскресенье, 10 июня 1934 — Неділя, 10 червня 1934.

№ 154

Павел Поляков. (Белград).

Хутор Разуваев.

Не велик мой хутор, хутор Разуваев —
Ста дворов, пожалуй, и не набезит.
Речка Чертолейка лугом протекает,
Но степи широкой змейкою блеснит...

Наклонились вербы над глубоким плесом,
Камышом зеленым старый пруд зарос,
Гусь за колосками прямо под колеса
На плотине узкой тянет желтый нос...

Из ольховой чащи мельница-старуха
Выбитым оконцем смотрит на луга,
Над помольной хатой выются тучей мухи,
И под легким ветром шелестит куга...

И, привады взявши, на заре вечерней,
Проплывя меж лилий тонких, лопухов,
Порыбалить едет в душегубке мельник
И с волнением скрытым ждет сазаний клёв...

Тихо-тихо ляжет ночи покрывало,
И луна уснувший пруд заворожит,
Лишь шушанье слышно мельничного вала,
Соловейка свищет, да вода шумит...

В куренях казачьих говор затихает,
Спит усталый хутор, вербы, чакан, пруд,
Далеко, у гумен, пес на месяц лает,
Да кристальным небом облака плывут...

И туда к полночи выйдет мельник сонный
В ковш зерна подсыпать... Камень застучал...
И чеканит месяц силуэт склоненный...
И мешок порожний падает с плеча...

А в пруду... русалка... с белой грудью
Соберет подружек дикий хоровод... [пышной
Мельник не боится, мельник — он привышный,
Мельник слово знает супротив того...

Вон, надась, завощик — парень сам бывалый, —
Ворочаясь ночью поздней порой,
Увидал, как тихо по большому валу
В мельницу вернулся старый домовый...

А жалмерка Настя — продала скотину,
Припозднилась... Тёмно... Шла-то через лес...
Глядь, а меж кустами, под сухой осиною, —
Он... Лесной Хозяин, Леший — вот те крест...

Хутор Разуваев просыпался рано.
Поедали горы пышек и блинов,
И, охлюпкой сидя, мимо атамана
В степь подростки гнали кровных скакунов...

Вылезали деды к мельнице иль школе
И вели беззубый долгий разговор:
О пашах турецких, о царе Миколе
И о том, что... Разин вовсе не был вор...

... Не велик, да стар мой хутор Разуваев —
Триста лет шептался с чаканом камыш,
Провожая дедов к Стеньке, под Измаил,
Под Царьград, на Альпы, с Платовым в Париж.

И седлались кони, колыхались пики...
Много, много наших полегло в бою...
Хутор Разуваев, в пережатом гике
Ты по свету славу разносил свою!..

... И пою я песни о дымке кизечном,
О родимой степи, чакане в прудах,
О скитаньях долгих, о тоске извечной,
О слезах кровавых на моих следах...

И. К. Скубани (Румыния).

Возвращение.

Под'есаул Карагач был прямой, доверчивый и наивный, как ребенок, несмотря на свои 30 лет и пробивающую седину на висках.

Он служил в Н-м Кубанском пластунском батальоне, отличавшемся строгостью дисциплины и заслужившем боевую славу на скалистых горах Турции.

В мирной обстановке он был застенчивым мечтателем, нервно вздрагивающим от неожиданного выстрела. Во время же боев он становился неузнаваем: после первого залпа противника он слегка вздрагивал, будто разбуженный от сна, и затем весь бой проводил с изумительным спокойствием, буквально гипнотизируя казаков своим хладнокровием и внушая им уверенность в благополучный исход дела. Казаки его любили и верили, что с ним сотня не сплоскает, «бо у командира в щастя і талан»...

Покинув родину вместе с казаками, Карагач очутился в Болгарии. Здесь он метался из стороны в сторону, пытаясь уйти от преследования рока и наседавшей нужды. Ходил за плугом, работал на фабриках, грузил вагоны, падая под тяжестью шестипудового мешка, — всего пришлось отвечать на чужой стороне.

Ко всей безотрадности положения прибавлялось враждебное отношение к нему рабочих, в большинстве пропитанных коммунистическим духом.

— И чего сидишь тут? — шипели они ядовито. — Чего не едешь домой?... Только место занимаешь, а толку-то с тебя никакого... У нас своих хватает, своим жрать нечего...

Карагач молча выслушивал эти грубые упрёки и страдал...

В тишине бессонных ночей он мечтал о скором возрождении и процветании покинутой Кубани, о возврате старых, родных казачьему сердцу традиций славного Запорожья...

А в это время среди эмиграции шла усиленная пропаганда: красные агенты соблазняли слабовольных возвращаться домой, обещая полную гарантию неприкосновенности. Истомленные тоскою по вольным станицам, по необъятным степям, — многие шли в расставленные сети... Ехали на риск. Так в зимнюю стужу залетает в открывшуюся дверь дома замерзшая голодная птица... Ей все равно, — пленят ли ее, убьют ли. «А может быть», думает птичья голова, «накормят и снова пустят на волю»...

Видя, как уезжают казаки, как все реже становятся ряды эмиграции, Карагач всполошился:

— Как, неужели конец? Быть не может.

Горькое чувство разочарования давило его мысли. Вскоре он подпал под влияние своих знакомых, убеждавших его в окончательном распаде эмиграции и утверждавших, что казачье дело, борьба за самостоятельность и восстановление вековой дедовской славы, — это миф, утопия... Они уговаривали его ехать туда — в милую, соблазнительную даль, где осталась семья, где протекли невозвратные дни его молодости. Говорили:

— Плюньте на все выдумки о коммунистической жестокости. Времена изменились, советская власть окрепла, и минула надобность в терроре. В свободной стране, всякий труженик нужен. Там найдется более подходящая работа, чем таскание мешков. Решайтесь — не пожалеем!..

Так упорно тушили веру в лучшее будущее, что теплилась искрой где-то в уголке оплеванной, измученной души казака, и под конец соблазна сделал свое дело. Непреодолимой силой потянуло Карагача на берег Кубани, встал, как живые, зовущие образы тоскующих родных... Он решился...

ная часть с мелким кустарником на опушке. Это «Кукиновский» участок — любимое место для былых прогулок молодежи. Как часто, забравшись в его чащу, с наслаждением слушал он чарующие песни девчат, собиравших ажину и дикую малину.

Почему, однако, так поредел этот свидетель юных лет? Куда исчезли вековые дубы-гиганты, как сказочные богатыри охранявшие все это лесное царство?.. Карагач присмотрелся... Как будто их никогда там и не бывало. Вырубили! Через широкие просеки изредка проглядывали окрашенные в пурпур заходящего солнца изгибы Лабы. Мелькнула сторожка лесника, старая, как гриб торчащая над землей и поросшая зеленым мхом, и отчетливо забелели хатки, просторно расбросанные среди цветущих садов... Сердце трепетно забилось в предчувствии радостной встречи...

Поезд поравнялся с семафором. Вот и станция, — та самая, что перед войной встречала его — молодого, жизнерадостного офицера. Боже, сколько воды утекло с тех пор!.. Вот он после пяти лет скитания приехал опять сюда, но уже никто не встречает его, не поздравляет, дружески пожимая руку. Теперь перед ним новые, незнакомые люди.

Во выходе из вагона, минуя вокзал, он тревожно направился в станцию, расположенную в полуверсте от станции, — благо весь его багаж вместился в небольшом парусиновом порт-пледе, и в извозчике не было необходимости.

Во всем, что пришлось ему увидеть, было не легко разобратся. Что за притча? Станица будто та и не та. Попадались по пути знакомые казаки, но они окидывали его не то враждебным, не то насмешливым взглядом и проходили мимо, боясь с ним заговорить. А какой то далекий родственник, увидя его, так и ахнул от удивления.

— Как, и ты?!.. И ты приехал, Юрий? — зашептал он, позеленев от волнения. — Ну, брат, не таким мечтал я увидеть тебя. Я ждал, что ты придешь с гордо поднятой головой, а ты... А вы все, «заграничники», возвращаетесь с повинной и крадете у нас, голодных, обезличенных, последний луч надежды на наше освобождение. Для чего же пролито море казачьей крови и океан горьких слез?.. За что выброшены на улицу сотни тысяч вдов и сирот? За что гноится по тюрьмам и концлагерям бесчисленный легион вступившихся за честь угнетенного, оскорбленного Казачества?.. Уж не за то-ль, чтоб под конец придти униженно и рабски целовать бич своего палача?.. Эх, вы... борцы!..

— Постой, голубчик, не осуждай, пойми... — пытался возражать Карагач.

— И понимать не хочу, — перебил его родственник. — Нет, раз ты поднялся на борьбу с насилием и произволом, раз ты поставил своею целью волю твоего народа, — ты должен был умереть, но донести свою святыню до могилы, а не прощения просить, а не искать компромиссов с красными гадами. Ваша повинная — позор, ваш уклон с дороги — самое тяжелое ярмо на шею Казачества... Зачем ты приехал? К семье? Затащивал по бабе? Великое казачье дело променял на бабу?.. Да и по ком соскучился? Больше года минуло с тех пор, как жена твоя записалась в ЗАГС'е под новой фамилией и уехала из станицы с коммунистом... Сын твой умер прошлою зимой от голода. Отец сослан куда-то на север. А мать... Я бы на ее месте тебя не принял в дом... Ты изменник, предатель родимого Края!

При слове «изменник» Карагач вздрогнул, как от полученной пощечины, и смертельно бледностью покрылись его худые впалые щеки. Неподвижный, как изваяние, он стоял на месте, не замечая, что родственник, круто повернувшись, отошел от него, а выбежавшие из ближайшего двора казачата с любопытством осматривали его.

Не видя ничего, не слыша двусмысленных фраз, пускаемых ему в догонку, словно лунатик, направлялся он к дому... Вот, наконец, заветная цель. Калитка

Была страстная суббота. Солнце клонилось к вечеру, когда Карагач, после всевозможных мытарств, под'езжал к родной станице. Он смотрел в открытую дверь грязного товарного вагона. Вправо от дороги тянулся зеленеющий лес. Все как будто искусственно отделен-

на заржавелых петлях как будто заснонала, когда к ней прикоснулась дрожащая рука Юрия...

На миг оцепенение овладело им. Через стеклянную раму коридора он увидел худенькую бедно одетую старушку, спешащую ему навстречу. Не помня себя от счастья, забыв нанесенные обиды, он бросился в объятья матери, как маленький прижался к ее изможденному морщинами лицу и бурно стал целовать дорогие поблекшие глаза, седые волосы, щеки...

Он ждал ответной материнской ласки. Напрасно. Ее взор горел не радостью встречи, поцелуи были холодны и сухи, катящиеся слезы скорее говорили о великой печали, охватившей старческую душу.

Вошли в комнату, и тут Карагач не выдержал: упал на ступ, схватился за голову и глухо разрыдался, шепча, как безумный:

— Господи, за что... разве я виноват?..

Склонясь над ним, мать гладила, как в дни детства, его волосы и утешала, но он не переставал плакать, в слезах изливая всю накопившуюся в душе горечь, и будто оправдывался:

— Мама, я не мог дальше... Я все равно умер-бы... Я хотел увидеть тебя... Ведь только ты, одна ты меня никогда не разлюбишь и не осудишь. Я не виноват, мама. Если-б знала ты, если-б хоть приснилось тебе, как под тяжестью шестипудового мешка, обливаясь потом и кашляя кровью, я мучился. Если-б ты знала, родимая, как — усталый, разбитый работой — я ночи напролет ворочался в постели, будучи не в силах уснуть... Все вы, как живые, вставали передо мной. Я слышал родные голоса... И я плакал... А утром шел на работу. И так пять лет. Изю дня в день. Пойми-же хоть ты, мама, что дальше я не мог вынести этой пытки. Я решил увидеть вас всех, хотя-бы это стоило жизни. И вот... увидел...

После рассказа матери о постигшем их дом несчастье Карагач как-то совсем поник, словно тяжелую ношу взвалили ему на плечи, и не было сил выпрямиться. Не соврал ему родственник, — все было так, как он говорил: жена его — в Москве, сын умер, а отец в каком-то городе Котлове, что на крайнем севере Московии. Вот уже два года от него нет вестей.

Карагач обошел весь дом. Все было запущено, во всем чувствовалась разруха и отсутствие хозяйской заботливости. С тяжелым сердцем присел Карагач в гостиной на остатки дивана, покрытого, вместо былого персидского ковра, какою-то пестренькой ряднушкой...

На дворе уже стемнело. В небе зажглись первые звездочки с зеленоватым мерцанием, переливаясь будто громадные изумруды, вделанные искусною рукой в чудесный темно-синий небосвод. С реки потянуло холодком, но уже приятным, от которого не ежишься и не кутаешься, а с наслаждением вдыхаешь освежающий воздух. В комнате был полумрак. За открытым окном тихо шуршал весенний ветер в цветущих кустах сирени. Ее нежный аромат дохнул в комнату... Заколебалась незримая завеса прошлого...

В такой дивный вечер, восемь лет тому назад, он сидел со своею Верою, красивую и нарядную, как окружающая природа. В окно этой комнаты, как и теперь, лился запах сирени. За парадно накрытым столом собралось много гостей. Он с Верою — центр внимания. На них устремлены светящиеся любовью и лаской глаза матери, в их сторону повернул седую голову всегда суровый, но сегодня приветливо улыбающийся отец. Кто-то вдохновенно говорит речь, все тянутся с бокалами чокнуться с молодыми. У всех радостные, доброжелательные лица, все какутся такими милыми, обворожительными, что минутами охватывает желание вскочить и целовать их всех без разбору... Это был день его свадьбы...

А как часто, в такие вот сумерки, Вера играла на рояли, а он сидел у ее ног и слушал. Боже, как это было хорошо! Как свежи в памяти те минуты... Словно

все это происходило вчера, и стоит ему открыть глаза, как он снова увидит любимый силуэт склонившейся женщины, а в ушах задрожат грустные „думки“ или возбуждающая мелодия украинской песни... И вот... минуло восемь лет и что-же? Он посмотрел кругом. Никого нет. Он один, никому ненужный, лишний... Его сказка кончилась, разлетелся венок, сплетенный из мечтаний. На него сурово взглянула действительность...

После ужина Карагач ушел в бывший свой кабинет, где мать ему приготовила постель. Однако, здесь его снова захлестнула волна воспоминаний. Быстро и нервно он зашагал по комнате, сжимая виски руками. Сознание мутилось, голова, будто налитая свинцом, бесильно клонилась на грудь. Сердце давало болезненные перебои. А мысли, одна безотраднее другой, менялись как в калейдескопе.

Не спала и мать Юрия. Услышав за стеною шаги, она беспокойно подошла к двери и прислушалась.

— Ходит... Мучится, горюет мой бедный, жалкий мальчик, — подумала она и тихо возвратилась к себе. Хотела перед святой заутреней немного отдохнуть, но уснуть ей долго не удавалось, несмотря на усталость. Сон не приходил. Какое-то предчувствие сосало сердце, и в сумраке ночи ширился страх за участь вернувшегося сына. Тяжело вздыхая, она часто шептала молитвы и крестилась...

Когда приятная дрема, отогнав всякие думы, охватила измученное тело, благовест к утрени разбудил старушку. Увидав полоску света под дверью кабинета, она бесшумно приотворила ее и заглянула внутрь. Юрий сидел у стола с опущенной на ладони головой и грустно устремленным в пространство взором.

— Матерь Божья, Владычица святая, да что-же это такое на нас нашло! — сказала мать, всплеснув руками. — Юринька, родной мой, что же ты с собою делаешь? На тебе лица нету, измучился, дорогой, да и теперь все мучишься.

— Да, мама, я страшно устал, но что я сделаю, если в голову лезут всякие мысли и становится страшно до безумия в этом доме.

— Это все нервы, переутомился ты. Бром бы тебе или валерианки дать, да в нашем царстве теперь к лекарствам не поступишь — дорого. Бедному человеку не полагается болеть, — не по-карману. Но ничего, поживешь — привыкнешь. Не надо отчаиваться. Помолись Спасителю. Он всемиростив, он сам страдал и рассеет твои мрачные мысли. Отдохни, сыночек, а я пойду в церковь.

Она погладила его по голове и, поцеловав в лоб, вышла. Через несколько минут замок в наружной двери щелкнул, и стало снова тихо.

— Вот и она ушла, — вслух произнес Юрий и, вскочив, опять зашагал из угла в угол...

Близился рассвет. На дворе залаял Серко и сейчас же смолк. Это возвратилась из церкви мать. Слыша, что Юрий не спит, она вошла к нему и, обнимая его, сказала:

— Христос Воскресе!

— Воистину Воскресе... — эхом отозвался Юрий.

Оба замерли в святом поцелуе.

Вдруг Юрий побледнел и хватился за сердце.

— Мама, мне дурно... воды... Сюда... на грудь... Ах, как печет...

Медленно опустился он на кушетку и через несколько минут стал неподвижен. Смерть пришла неожиданно. Сердце не выдержало всех потрясений, душа не смирилась с гибелью идеалов и не вместила действительности, открывшейся впервые во всей своей ужасающей наготе. Юрия не стало...

Колокола заливались серебряным звоном. Чувствовалось веяние великого праздника. А в душе матери-старушки усилилось острое чувство отчаянья и скорби...

Иван Назаров. (Княжевац).

Метель.

Снег пушится бархатный,
Снег всю ночь идет.
Низко тучи стелятся,
Ветер ставни рвет;
То он стонет жалобно,
То грозит грозой...
Жутко мне и тягостно
В стороне чужой.
Коли тут метелица
Кроет шапки гор,
То какой же стелется
Снеговой ковер
Там, где даль безбрежная —
Широка, ровна,
Где народ мой мучится,
Где — моя страна!..
Там ветры залетные,
Как быки, ревут;
Там бураны грозные
С крыш солому рвут;
Там волки голодные
Рыщут у могил;
Там сам голод властвует
Из за красных сил...

Полетел бы соколом
Я к родной стране,
Коли б крылья вольные
Из железа мне.
Но пока в бескрыльи
Я нужду терплю, —
Свою мысль летучую
Я туда пошлю —
Долго ль ей то птицею
В облаках парить,
То чрез море синее
Рыбой переплыть,
Чрез леса дремучие
Молнией сверкнуть,
Чрез вершины горные
Шагом першагнуть...

Долго ли? — Свершилося:
Брошена стрелой...
Вот равнина „Дикая“,
Вот наш Дон седой,
Вот станицы видятся
И Черкаска стан,
Хутора задонские
И „Мамай“-курган...
„Стань! Гляди с кургана ты —
Тут простор видней“.
— „Слушай!“
„Чуть слышу я...
Говори ясней!“
„Тут метель страшная,
Тут буран царит,
Ветер искры снежные
В очи порошит...
Ничего не вижу я
В эту ночь на грех...

Только снег, как марево...
Бесконечный снег“...
„Стой! Гляди быстрее ты“.
— „Слушаю... Теперь
Вижу — меж сугробами
Пробегае зверь.
Много их... Волчица
И за ней — волки...
Вижу путь какой-то
И на нем полки“... —
„Что за путь?!“
— „Не знаю...
Этот путь мне нов...
А идет от Дона
И до Соловков“...
„А полки какие?!“
— „Это не полки:
Это те, которых
Гонят в Соловки“...
„Не спеши, отчетливо,
Толком говори!“
— „Впереди окованы
В цепи главари...
Те, что Волю вольную
Пробали вернуть...
Восемь дней держались,
На девятый... в путь...
А за ними лентою,
Завершая ход, —
Тысячи сподвижников —
Все простой народ...
Не иногородние
И не мужики —
Все подряд чистейшие
С Дона казаки“...
„Сколько их?!“
— „Колонны!
Всех колонн — тринадцать.
В каждой — батальон.
При колоннах всюду —
Пулеметный взвод...
Восемь рот и пушка“.
„А какой народ?“
— „При охране, что ли? —
С Пензы мужики!
Есть китайцев рота...
Ну, и... казаки“.
„Казаки из „русских“?
— „Точно так... а кто ж!“
„Вот кому я в горло
Засадил бы нож!“
— „А у них на лучшем
На счету они...
Вот колонны стали,
Развели огни...
Лишь отряд китайцев
В сторону ушел
И с собой лоциною
Главарей увел...
Стали... В ряд их вывели...
Не хотят стоять...

Залпы... залпы стелятся...
Восемь залпов в ряд“...
„Дальше что?“
— „Ужасное...
Злоба сердце рвет...
Снег окрашен кровью...
Кровь в снегу течет...
На снегу расбросаны
Груды мертвых тел...
Главари казачские
Свой нашли удел“...
„Дальше что?!“
— „Другая
Из колонн прошла
И людей побольше
За собой взяла“...
„Это кто ж такие?
Из каких людей?“
— „Говорят — помощники
Тех же главарей...
— „Что возиться с ними,
Что их вдаль гонять!
Все равно подохнут...
Лучше расстрелять!“ —
Так сказал старшой их...
И они опять
На кровавом выгоне
Начали стрелять.
Мечутся, и в том
Кровь по снегу искрится...
Красный снег кругом...
Залпы стихли. Кончено.
И опять в удел
Вольных сил Казачества —
Груда мертвых тел“...
„Дальше что?“
— „Вернулись
С песней мужики
И погнали к северу
Пленные полки,
Только дальше... Господи!..
Уж не все идут...
Сколько трупов брошено!
Позамерзли тут“...
„Все ли?“
— „Нет, скрываются...
Только кто ж дойдет?..
А конвой, как бешеный,
Про „Дербень“ поет“...
Скрылась рать сопатая
В глубине степей...
— Эх, когда же, Господи,
Мы сойдемся с ней,
Чтоб в метель такую же
Дать коню разбег
Да от моря Черного
И до моря Белого
Кровью их „малиновой“
Разукрасить снег!

Сергій Савицький (Бразилія).

ДО БУВШИХ ОТАМАНІВ.

Не вам, „бувші люди“, до бою вести
 Козацькі полки з-за гряниці;
 Не вас дожидають могили, хрести,
 Голодні й обдерті станиці,
 Бо ви: за Росію!..
 Не буде боротись козак за царя,
 Не буде служити Росії.
 Дивіться: Козакія — ясна зоря —
 Зійшла на козацькій обрії.
 Не всі її бачать, і вам не дано
 Красною її любуватись —
 Вона заглядає в козацьке вікно
 І кличе їй храм будувати.
 Як встане Козацтво, збудує їй храм,
 Зоря тоді злине до нього.
 І в страхі відступить розхристаний хам
 На північ від храму святого...

Огонь розгорівся в козацькій груді
 І гнівом на верх вибухає.
 Козак не забув, що зазнав у біді, —
 О, він ще про все пригадає...

А славне Козацтво не рік і не два
 Служило Росії: віками!
 І щож заслужило? — Погорди слова
 Та торби жebraчі з хрестами...

... А ви — за Росію!..

Народ „богоносець“ (без маски тепер),
 Мов вовк, до Козацтва підкрався:

Живе його тіло зубами роздер
 І в крові невинній скупався...
 ... А ви — за Росію!..
 А ви — за Росію!.. Росія живе!
 І хлібець козацький смакує,
 І цар там, хоч правда червоний, а є, —
 З підвладними те-ж не жартує...
 Не гірш і за білого вміє царя
 Козацтвом канали копати.

Доволі Козацтву цього вже ярма, —
 До нього вам гріх закликати!..

Веселі широкі козацькі степи...
 Пшениця, мов море, хвилює...
 В станиці темніють розкішні сади...

В неволі козак голодує...
 ... А ви — за Росію!..

О, будьте хоч чесні і станьте на бік:
 Своє віддзвонили й доволі.
 Щоб часом не пхнули чогось вам під бік, —
 Не стримуйте розмах до волі...
 Розлиті Росію сльози і кров
 Козацькі о помсту звивають...
 ... Та тільки козацькі?!... День судний прийшов:
 На ката червоні чекають...
 ... А ви — за Росію!..

9. квітня 1934. р.

Трагедия Казачества.

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть II.

(Декабрь 1918 — июнь 1919).

(Продолжение).

Верхне-донское казачье восстание.

Мы уже говорили о том громадном положительном значении в исходе всей весенней кампании казачье-большевицкой борьбы, какое имело в действительности восстание казаков Верхне-Донского округа.

По свидетельству одного из организаторов и выборного командующего армией восставших казаков, П. Н. Кудинова, это восстание началось уже 26 февраля 1919 г. и в три дня охватило большой район станиц Казанской, Мигулинской, Вешенской и Еланской (Журнал „ВК“ за 1931 г. №№ 77-85 и за 1932 г. № 101.). В одной только станице Мигулинской после горячего боя повстанцы захватили 8 орудий, 50 пулеметов, 1 мил. патронов и другую богатую военную добычу. К 15 марта 1919 г. насчитывалось 15 тысяч восставших бойцов. Повстанцы были сведены в пять конных дивизий и одну конную бригаду.

Красное командование послало на подавление восстания лучшие свои части: 1-й революционный Московский полк в 4000 штыков, 4-й Кронштадтский матросский полк в 1800 штыков, бригаду курсантов в 3000 штыков, 5-й Заамурский конный полк в 800 шашек, целый ряд отдельных карательных отрядов, снабдив эти войска многочисленной артиллерией, множеством пулеметов и т. д. Согласно большевицких данных, красная

Россия в марте месяце послала против повстанцев „14 тысяч штыков и сабель только из состава Южного фронта“ (Гражданская война 1918-1921, т. III, стр. 238). Однако, в боях в марте повстанцы всюду силами большевицкие войска, захватывая орудия, пулеметы и пленных.

Успех восстания обеспечивался не только исключительным героизмом казаков, от мала до велика взявших за оружие (часто в боях принимали участие и женщины-казачки), но и участием в восстании хлеборобского неказачьего населения Дона. Выше упомянутый выборный командующий вооруженными силами повстанцев, есаул Павел Кудинов, говорит об этом следующее:

„В наших рядах было много и местных крестьян, которые, пользуясь, как со стороны начальников, так и казаков, полным доверием и равным братским отношением, честно дрались и мужественно погибали за наше общее дело“ („ВК“, № 101, стр. 13).

Больше того:

„Слобода Березняги Воронежской губ., которая расположена вблизи Донской границы, тоже восстала против красных, выставив 800 штыков при 8 пулеметах, которые отдельным пешим полком вошли в состав 4-й дивизии“ („ВК“, № 81, стр. 7).

Во время боев повстанческой армии против большевических войск к казакам перешел в полном составе Сердобский полк, состоявший из мобилизованных большевиками хлеборобов.

В апреле месяце против повстанцев из состава 8-й армии была послана целая дивизия; тогда же была послана против повстанцев и дивизия из состава 9-й армии. К этому времени восстание уже охватило „пространство свыше 10-ти тысяч квадрат. километров, простираясь от Усть-Медведицы до Богучара, обвод повстанческого района растянулся на 400 верст“ (Граж. война 1918-1921 г., т. III, стр. 238).

„По оперативной сводке штаба армии восставших, говорит П. Кудинов, к 28 апреля 1919 г. против них были сосредоточены части красной армии общим числом: 39800 штыков, 5570 шашек, при 82 орудиях и 341 пулемете“ („ВК“, № 101, стр. 15).

Весьма характерной для русско-казачьей борьбы того времени является следующая статья Л. Троцкого, напечатанная 28 апреля 1919 г. в № 45 газеты „В Пути“ (на станции Чертково, значит в близости фронтов борьбы):

„Южный фронт — Казачий фронт. Дон — очаг контр-революции... На Дону восстание вспыхивает за восстанием. И сейчас, когда наши армии дошли до С. Донца и Маньча, в тылу у них снова вспыхнуло кулацко-казацкое восстание...“

На Донском фронте решается не только судьба Донской обл. и не только судьба Казачества...

Дело идет не о Доне, а о всей советской России...

Этой весной и этим летом мы должны покончить с Южным фронтом раз навсегда...

Нужно Дон присоединить к Советской России. Нужно напречь все силы, чтобы покончить с Южным фронтом“... (Как вооружалась революция, т. II, кн. I, стр. 173).

Как видим, организатор вооруженных сил новой России называл Южный фронт Казачьим фронтом. Так оно, конечно, и было в действительности. Обращает также на себя внимание и полное сходство во взглядах красного вождя Троцкого и белого вождя Деникина: Троцкий писал о необходимости Дон присоединить к Советской России, а Деникин поручал ген. Ляхову „приобщить край (Терско-Дагестанский) к русской государственности“ (Ден., т. IV, стр. 114). Разница только в словах и в том, что одни строили пролетарскую единую и неделимую Россию, а другие — помещичью единую и неделимую Россию.

На другой день, 29 апреля, уже в г. Козлове Троцкий писал:

„Восстание части донского казачества тянется уже ряд недель...“

... Мятаж в тылу у воина то же самое, что нарыв на плече у работника... Важнейшей задачей поэтому является сейчас очищение Дона от мятежа и мятежников. Центральная Советская власть приказала эту задачу разрешить в кратчайший срок. В помощь экспедиционным войскам, действующим против подлого контр-революционного мятежа, прибыли и прибывают прекрасные подкрепления. Лучшие работники-организаторы направлены сюда для разрешения неотложной задачи.

Нужно покончить с мятежом. Наши красноармейцы должны проникнуться ясным сознанием того, что мятежники Вешенской, или Еланской, или Букановской станции являются прямыми помощниками белогвардейских генералов Деникина и Колчака. Чем больше будет тянуться восстание, тем больше жертв будет с обеих сторон. Уменьшить кровопролитие можно только одним путем: нанося быстрый, суровый сокрушительный удар.

Нужно покончить с мятежом. Нужно вскрыть нарыв на плече и прижечь его каленым железом. Тогда рука Южного фронта освободится для нанесения смертельного удара врагу“ (там же, стр. 174).

Чтобы яснее представить себе соотношение сил в описываемый период борьбы, достаточно сравнить состояние добровольческих частей, скажем, корпуса Май-Маевского с состоянием сил восставших донцов Верхне-Донского округа: добровольцы, прекрасно технически вооруженные, отступали перед сравнительно

меньшими большевическими силами, нежели те, которые были посланы большевиками на подавление казачьего восстания; а Верхне-донцы, сравнительно с добровольцами Май-Маевского плохо вооруженные, руководимые только хорунжими, сотниками и есаулами, во многих боях беспощадно били большевические части — рабочие полки, матросов, курсантов и т. д. Если бы казаки множество раз не спасали добровольцев, их части давно бы развеялись по равнинам Украины и Северного Кавказа, как рассыпалась Южная армия, как незаметно и тихо ушла со сцены шумливая вначале Крымско-Азовская армия, как растаяли Саратовский и Астраханский корпуса...

Чрезвычайно было поучительным и то, что хлеборобы Донской обл. и Воронежской губ. вместе с казаками поднимали восстание против советской власти в то время, как хлеборобы той же Воронежской губ. восставали, как мы знаем, против русской Южной армии, а позже против русской Добровольческой армии восставали хлеборобы в Ставропольской губ. и Таганрогском округе.

Относительно значения восстания Верхне-донцов бывший командующий 10-й большевической армией, после команд. всем Южным фронтом, генер. штаба полковник Егоров, говорит следующее:

Восстание „имело огромное значение для войск Южфронта не только в качестве фактора, отвлечавшего часть войск с нашего фронта, но и как событие, поднимающее у противника новые силы для борьбы с советской властью... Восстание охватило к началу мая оромный район... К тому же деятельность восставших, силы коих к концу апреля доходили до 30-ти тысяч бойцов при 27 пулеметах и 6 орудиях, далеко не ограничиваются районом, очерченным на схеме... Повстанцы выходили на сообщения армий, грабя обозы, нарушая железнодорожное сообщение и затрудняя управление армий, главным образом 9-й.

Наличие такого крупного и территориально и по числу бойцов района восстания, служившего магнитом для белых, сказалось и на всем последующем ходе операций фронта“ (Егоров. Разгром Деникина, стр. 87-88).

Как мы знаем, Донское командование еще 21 марта весьма настойчиво предлагало Деникину план немедленного удара в сторону района восстания с целью скорого очищения Дона от чужих войск. Деникин не поддержал предложенного донцами плана. Через полтора месяца после этого, в самый разгар генеральной сражения на р. Маньча, 5-го мая Донское командование послало ген. Деникину по телеграфу следующее сообщение:

„4 мая через возвратившегося летчика командующий войсками Верхне-Донского округа сообщает, что все войска округа сведены в 5 дивизий и одну бригаду, состав каждой дивизии 4 полка и бригады 2 полка. Численность каждого полка указать точно не представляется возможным вследствие ежедневного присоединения новых хуторов и перехода казаков из занятых противником местностей, приблизительная же численность каждого полка до 1000 человек. Количество пушек 14 легких и одна 4½ дюймовая. Пулеметов на всем фронте 93, преимущественно Максима. Винтовок 15000 штук. Командующий войсками, начальники дивизий и бригад и начальники штабов выборные из бывших офицеров, для командования полками офицеров не достает... В борьбе участвует и не казачье население и ведет себя как истинные патриоты. В войсках округа хорошо налажена телефонная связь, сведения о положении на фронте со всех направлений получают в 30 минут, от Вешенской до хутора Каргина (проведена) новая телефонная линия. Войска округа вели ранее лишь оборонительную борьбу, последнее время перешли к частичным активным действиям, которые и выполняются ими успешно. На перегруппировку войск Верхне-Донского округа для выполнения активной задачи по совместным действиям с войсками Донских армий необходимо три-четыре дня. Командующий войсками в числе нужд, кроме указанных в донесении № 1, выражает просьбу о высылке в Верхне-Донской округ несколько самолетов для разведок, но которыми пока не располагает. Через день-два в Торговую будет коман-

дирован летчик поручик Безсонов, возвратившийся из Верхне-Донского округа для доставления Главкомом рапорта от командира Сердобского советского полка, перешедшего в полном составе на сторону восставших казаков*.

Как видим, казаки в течение февраля — апреля 1919 г. громили советские 13, 8, 9 армии в Донецком бассейне и на р. Донце, в то же время не раз спасая добровольцев ген. Май-Маевского, казаки в конце апреля и в начале мая разгромили 10 советскую армию на р. Маныче, казаки же в большевицком тылу подняли восстание и организовали новую казачью армию. А русские люди за это время отдали Одессу, Таврию, Крым и с ужасом наблюдали гибель кадров русских добровольцев в районе Юзовки-Иловайская и посылали казаков спасать эти кадры...

Разгром XIV, XIII, VIII и IX армий.

21-го апреля 1919 г., в день перехода в наступление казачьих дивизий против 10-й советской армии на р. Маныче, далеко на севере от этой реки Донская казачья ударная группа захватила г. Луганск. Этот успех донцов на фронте 8-й ударной советской армии произвел ошеломляющее впечатление в Москве, как показатель проигрыша всех наступательных усилий большевицких армий в течение февраля, марта и апреля месяцев... Как сообщает быв. главком Егоров,

„25 апреля главком получил указание Реввоенсовета республики (В. Ленина), что „потеря Луганска — жестокий удар советской власти“ (Егоров, цит. выше работа, стр. 92.).

После этого командование противоказачьим фронтом сделало еще одну попытку наступления с целью овладеть Донецким бассейном — задачи, поставленной Москвою еще в феврале т. г. Вследствие этого командующий Южным фронтом, Гитис, приказал 26 апреля:

„8-й армии занять участок от Н. Теплый до Митякинской и подготовиться к наступлению на Луганск; 9-я армия получила задачу активно оборонять р. Донец до устья; 13 армия, усиленная бригадой 7-й дивизии, должна была овладеть районом Кутейниково; 2-я Украинская (бывшая группа Махно и др.) — продолжать наступление на Таганрог“ (там же, стр. 93).

В то время, как большевицкое командование готовило новый удар против казаков, донские войска сами перешли р. Донец севернее ст. Гундоровской и к 28 апреля распространились на запад до железной дороги Луганск-Миллерово и на восток от жел. дороги Каменская-Миллерово (там же, стр. 93).

28 апреля советское командование приказало: 13-й армии занять Иловайскую — Кутейниково, 8-й армии овладеть Луганском и 9-й ликвидировать прорыв донцов в районе Митякинской — Гундоровская — Каменская. И действительно, „3 мая 8-я армия овладевает Луганском, а 13 и 2-я Украинская (Махно) продвигаются в глубь Донбасса с прорывом на ст. Кутейниково, используя для этой операции все свободные силы. Большевики занимают Юзовский район и Мариуполь (там же). По поводу этого наступления большевицких армий и его результатов ген. Деникин пишет:

„4-го мая противник на всем Донецком фронте перешел вновь в общее наступление, которое было отражено с большим для него уроном, и Добровольческая армия, перейдя в контр-наступление, в течение нескольких дней овладела вновь всем Юзовским районом и Мариуполем, захватывая тысячи пленных и орудия“ (Деникин. Очерки рус. смуты, т. V, стр. 84).

Это сообщение Деникина, если бы оно соответствовало действительности, говорило бы о больших заслугах Добровольческой армии, которая, как безапелляционно утверждает быв. главнокомандующий, „в течение нескольких дней вновь овладела Юзовским районом и Мариуполем“.

Посмотрим, правду ли пишет ген. Деникин.

В самом конце апреля 1919 г., как свидетельствует ген. Врангель, „и без того бедные ряды (добровольческих) полков таяли окончательно“ (Врангель, кн. I, стр. 133), а командующий добровольческим корпусом, ген. Май-Маевский „засыпал меня (Врангеля) телеграммами,

донося о невозможности более держаться“ и что „дальнейшее упорство поведет лишь к окончательной гибели кадров“ (там же); далее тот же Врангель сообщает, что он, „с целью облегчения положения добровольцев“, приказал ген. Шкуро вновь перейти в наступление, и что „конница перешла в наступление, имела ряд тяжелых боев, однако особенно продвинуться не могла“, и что „давление на части ген. Май-Маевского не ослабевало“ (там же).

Относительно состава Добровольческого корпуса в начале мая 1919 г. опубликованы следующие данные:

„В мае — к началу наступления добровольцев — I-я дивизия была развернута в I-й Армейский корпус, в состав коего вошли Корниловцы, Марковцы, Дроздовцы и Самурский пехотный полк, а также Алексеевский конный полк... К этому времени части I-го корпуса насчитывали:

Корниловский полк	до	400	штыков,
Марковский	”	200	”
Дроздовский	”	500	”
Самурский	”	200	”
Алекс. конный	”	2000	сабель (?).

Кроме того, Корпусу были приданы 42 Якутский полк до 1000 шт., Белозерский до 100 шт., 4 полк 12 кав. дивизии до 400 кавалеристов“ (Архив русской революции, т. XVIII. Берлин, 1926, стр. 254 и 282).

Как видно из вышеприведенных цитат из труда быв. командующего Добровольческой армией, ген. Врангеля, добровольческий корпус находился в самом плачевном состоянии, и „без того бедные ряды полков таяли окончательно“ и т. д. О том, что добровольческие ряды (к слову сказать, пополняемые давно уже, с лета 1918 г., мобилизованными) были бедны, говорят и выше приведенные данные о численном составе их: основные пехотные полки — Корниловский, Марковский и Дроздовский — в это время вместе насчитывали всего навсего 1100 штыков.

Несмотря на такое тяжелое положение добровольческих полков, совершилось что-то невероятное и даже чудесное, о чем повествует ген. Деникин в V т. своих „Очерков русской смуты“: „4-го мая противник на всем Донецком фронте перешел в общее наступление“, но это наступление не только было отражено, но, как повествует Деникин, „Добровольческая армия, перейдя в наступление, в течение нескольких дней вновь овладела Юзовским районом и Мариуполем, захватывая тысячи пленных и орудия“. Известно, что в это время на Донецкий бассейн наступали 8-я и 13 большевицкие армии и более чем 10-ти тысячная группа Махно...

2-го мая ген. Врангель оставил пост командующего Добровольческой армией и принял пост командующего казачьими войсками, ведшими тяжелые бои на р. Маныче против 10-й советской армии. При чем ген. Деникин заявляет, „что от ген. Май-Маевского с тех пор тревожных сведений о состоянии Добровольческой армии в Донецком бассейне не поступало“ (Деникин, т. V., стр. 84). Выходит, как будто ген. Врангель телеграфировал и говорил неправду о тяжлом положении добровольцев; более того, добровольцы сами перешли в наступление и в несколько дней разгромили большевицкие армии.

В чем же дело? Что за путаница такая? Один русский генерал говорит, что русские кадры окончательно гибли, при чем Врангель подробно рассказывает, как это было (см. кн. I „Записок“ ген Врангеля). А другой русский генерал говорит, что с уходом Врангеля не только прекратилось поступление тревожных сведений, но Добровольческая армия нанесла весьма серьезное поражение большевицким войскам.

Что произошло в действительности в Донецком бассейне в мае 1919 г., почему от Май-Маевского не поступало тревожных сведений о состоянии „и без того бедных рядов полков“, неужели мы катившихся „к окончательной гибели“? Кто это „в течение нескольких дней овладел вновь всем Юзовским районом и Мариуполем, захватывая тысячи пленных и орудия“?

Документальный и объективный ответ на этот вопрос имеет большое значение не только для правильной

оценки событий на фронте в мае 1919 г., но и последующих событий на Казачьих Землях.

Разбирая недавние факты из истории борьбы Казачества даже на основании русских данных, мы легко можем установить, что в начале мая 1919 г. длинный фронт на р. Маныче, от района селений Дивно-Приютного до самого впадения этой реки в р. Дон, занимали казачьи полки, при чем, как признает и ген. Деникин, и большевики, „главную массу группы составляли Кубанские казаки“ (Деникин, V, 81). Присутствие на этом фронте „малочисленной и сборного состава“, к тому же и „мало боеспособной“ (Врангель, кн. I, стр. 81), 6-й дивизии положения не меняет. Разгром здесь 10-й сов. армии (взято 15.000. пленных, 55 орудий и 150 пулеметов) делает честь исключительно казачьему оружию.

Левее Манычского фронта казачье-русский фронт тянулся по р. Донцу до района г. Луганска. Весь этот фронт, а также к западу и юго-западу от г. Луганска, занимали исключительно донские казачьи полки. И наступивший в мае 1919 г. разгром на этом фронте 9-й сов. армии произведен был исключительно донскими силами. Также донцы разгромили и значительную часть 8-й армии в районе г. Луганска. Этих фактов не могут оспаривать даже русские люди.

Таким образом, нет никакого сомнения в том, что огромный противобольшевический фронт от района селения Дивного вверх по р. Манычу и далее по р. Донцу до района г. Луганска и далее до района Дебальцево, общим протяжением более 500 верст, занимали казачьи войска. Против этого казачьего фронта действовали 10-я, 9-я, 8-я и часть 13-й большевических армий. Армия, что носила название Добровольческой, занимала остальную часть фронта, от района Дебальцево до Азовского моря, общим протяжением около 130—150 верст.

После поражения 10-й сов. армии на р. Маныче в боях 22 апреля — 7 мая, ген. Деникин, как главнокомандующий Вооруж. силами Юга России, 8 мая дал всем армиям следующую директиву:

„Маньчская операция закончилась разгромом противника и взятием Великокняжеской. Приказываю:

1. Генералу Эрдели овладеть Астраханью.
2. Генералу Врангелю овладеть Царицыном. Перебросить донские части на правый берег Дона. Содействовать операции ген. Эрдели.
3. Генералу Сидорину с выходом донских частей Кавказской армии на правый берег Дона, подчинив их себе, разбить донецкую группу противника. Подняв восстание казачьего населения на правом берегу Дона, захватить железную дорогу Лихая—Царицын и войти в связь с восставшими ранее казачьими округами.
4. Прочим фронтам вести активную оборону.
5. Разграничительная линия: между генералами Эрдели и Врангелем Благодарное—Яшкуль—Енотаевск все для Эрдели.
6. О получении донести. Великокняжеская, 8 мая № 06796“.

(Следует пояснить при этом, что войска ген. Эрдели состояли из частей Терского казачьего Войска с dodatком чеченцев. См. офиц. сообщение штаба Вооруж. сил Юга России за 11 и 12 мая 1919 г., опубликованное в газетах).

Как видим, ген. Деникин, воодушевленный блестящей победой казачьих войск над 10-й сов. армией, приказал генералам Эрдели (терские казаки и чеченцы), Врангелю (кубанцы, донцы и терцы) и Сидорину (донцы) перейти в решительное наступление. Словом, на огромном протяжении фронта, почти от Дебальцево до Каспийского моря, казаки вооруженные силы должны были наступать против русских армий. Прочим фронтам, под которыми подразумевались фронт Добровольческой армии от Дебальцево до Азовского моря и узенькая часть фронта недалеко от г. Керчи в Крыму (Ак-Манайские позиции), приказывалось вести только активную оборону.

Далее ген. Деникин пишет, что „начало мая было резким поворотным моментом в судьбах Вооруженных сил Юга России. Фронт большевический дрогнул, и все наши армии — от Каспийского моря до Дона и от Дона до Черного моря — были двинуты в решительное наступление“ (Деникин, V, 84), или „с мая 1919 г.

развивалось широко наступление армий Юга“, говорит Деникин (г. V, стр. 104).

Сопоставляя директиву ген. Деникина, данную армиям 8 мая, с этими словами того же Деникина, видим явное противоречие, что касается фронта Добровольческой армии. Так что же было приказано этой армии: решительно наступать или только обороняться? Выше мы уже отметили коренное противоречие в характеристике состояния и боевых действий Добровольческой армии: с одной стороны, добровольческие полки были совсем близки к полной гибели, а с другой, они, добровольцы, в то же время одерживают решительные и блестящие победы.

Отметим и другое, весьма важное противоречие: с одной стороны, директивой Деникина от 8 мая предписывалось Добровольческой армии вести активную оборону, а с другой стороны, тот же Деникин, передавая содержание своей майской основной директивы, говорит, что будто бы было приказано „Добровольческой армии, отбрасывая 14 сов. армию к низовьям Днепра, разбить 13-ю и часть 8-й армии на путях к Харькову“ (Ден., т. V, стр. 104).

Описывая боевые операции Добровольческой армии, произведенные во исполнение этой директивы, ген. Деникин повествует:

„Добровольческая армия, наступая безостановочно, к 22 мая заняла Славянск, отбросив части 8-й и 13-й сов. армий, расстроенные и растаявшие, за Сев. Донец. На соприкосновение 13-й армии не было уже никаких надежд, и сов. командование с лихорадочным напряжением формировало новые центры обороны в Харькове и Екатеринославе. Туда стягивались подкрепления, отборные матросские коммунистические части и красные курсанты“ (Ден., V, 104).

Как мы знаем, командир добр. корпуса, ген. Май-Маевский, сообщал Врангелю 30 апреля, что „он держаться далее не может, что дальнейшее упорство поведет лишь к окончательной гибели кадров“; директивой 8 мая приказывалось Добровольческой армии только „вести активную оборону, но „Добровольческая армия, наступая безостановочно, к 22 мая заняла Славянск“, который, кстати сказать, более чем за 100 верст находится впереди от линии фронта, на которой, согласно директиве от 8 мая, надо было вести активную оборону.

В чем же дело?

Как протекали боевые операции в действительности, а не в описании быв. главнокомандующего? Обратимся к документальным данным, как уже опубликованным, так и неопубликованным, и ответим на простой вопрос: кому принадлежит честь побед, которые ген. Деникин приписывает добровольцам?

Мы много раз отмечали уже тот факт, что казаки много раз спасали добровольческие кадры. Так оно было и в мае 1919 г. Для спасения остатков добровольческих полков и для отражения нового наступления русских большевических войск на фронте Добровольческой армии были посланы кубанские и терские конные полки корпуса ген. Шкуро, кубанские пластуны и кубанская и донская кавалерия в отряде ген. Виноградова.

В самом начале мая 1919 г. кубанцы и терцы корпуса Шкуро нанесли сокрушительный удар по наступающим большевическим войскам в районе к северо-западу и к западу от узловой станции Иловайская. Под новыми ударами стальных казачьих полков большевический фронт дрогнул снова и покатился на запад. Казаки конного корпуса снова прорвали большевический фронт и пошли гулять по тылам большевических армий, перерезая и разрушая пути сообщения, службу связи, уничтожая большевические склады боевых припасов, беря пленных и вооружение. Штаб Вооруж. сил Юга России 7 мая выпустил следующее официальное сообщение об этих успехах казачьих полков:

„4 мая, продолжая преследование, Кубанские и Терские части ген. Шкуро выдвинулись на линию Горбачево — Александровка — Тахтамиров, отбросив красных за Калмус, 5 мая овладели с тыла ст. Ларино и заняли ст. Караванная, сл. Мандрыкино, Марьянов-

ку, Новоселовку, захватив много пленных, пулеметы и обозы“.

Следует обратить внимание на тот факт, что эти казачьи победы на фронте Добровольческой армии относятся к самому началу мая, ибо, как видим, 4-го мая Кубанцы и Терцы уже продолжали преследование, значит, противник был разбит перед этим.

В то время, когда ген. Деникин на ст. Великокняжеская 8 мая приказывал вести оборону на западном фронте, казачий корпус был большевиков в глубоком тылу большевицких армий.

Части ген. Шкуро заняли станции Александровку, Марьевку, Красную Горку, Максимилиановку, достигли Селидовки, Гришино, Желанной и Грабовки. Противник бежит на Ясиноватую. Захвачено 12 пулеметов, 3000 винтовок, 4 бомбомета, 60 вагонов с хозяйственной частью 78 и 81 сов. полков пехоты“ („Приаз. Край“, за 24 мая 1919 г.).

Одновременно с переходом в наступление казачьего конного корпуса, в том же районе перешла в решительное наступление и Кубанская пластунская бригада, сметая на своем пути большевицкую пехоту в Юзовском районе.

Левее, ближе к Азовскому морю, тогда же перешли в наступление на Мариуполь казачьи конные части Виноградова, гоня перед собою большевиков; 9 мая после упорного боя они взяли селения Чермалык и Павлополь. В офиц. сообщении читаем по этому поводу: „Красные бегут к железной дороге на ст. Сартана“.

Об этих боях находим следующие официальные сообщения:

Штаба Добровольческой армии 10 мая 1919 г.: „После ряда боев доблестные (кубанские) пластуны сломили противника и заняли Марьевку, Мушкетовку и Юзовку. Конные части Шкуро вышли в глубокий тыл красных и заняли линию желез. дороги Гришино — Очеретино. Противник бежал, оставляя на своем пути большую добычу. На Мариупольском направлении взяты... (идет перечисление целого ряда пунктов)“.

Штаба той же армии, от 11 мая: „Продолжая наступление, один из кубанских батальонов занял ст. Щегловку и сел. Григорьевку“...

Штаба той же армии, от 12 мая: „Дополнительно сообщается: 9-го пластуны (кубанцы) выбили противника из рудника „Ветка““.

Штаба той же армии, 13 мая: „Доблестные пластуны и партизаны, словив упорное сопротивление противника, взяли ст. Ясиноватая и Авдеевка. Взято 2 бронепоезда...“

В районе Мариуполя (ст. Мангут) доблестные Лабинцы (Куб. конный казачий полк) зарубили свыше 200 красноармейцев и вновь взяли 1200 пленных... Противник бежал.

Таким образом результатом боев 8-10-12 мая явилось очищение от красных Юзовского и Мариупольского районов“.

Как видим, даже эти официальные сообщения Штаба добровольческой армии, составленные по горячим следам боев, ясно говорят о том, что именно казачьи конные и пешие части, включенные в состав русской по названию и казачьей по составу Добровольческой армии, очистили весь Юзовский и Мариупольский районы. Это, однако, не мешает русскому витязю, ген. Деникину, в „Очерках русской смуты“ приписывать эти победы оружию русской Добровольческой армии. Ну, для чего этот вождь пишет такую неправду: „Добровольческая армия, перейдя в контр-наступление, в течение нескольких дней овладела вновь всем Юзовским районом и Мариуполем“ (Ден., т. V, стр. 84)? Ведь официальное сообщение штаба самой Добровольческой армии от 10 мая ясно говорит: „После ряда боев доблестные (кубанские) пластуны сломили противника и заняли Макеевку Мушкетовку и Юзовку“! Это и есть Юзовский район. При чем же тут русские добровольцы?

В мае месяце русское командование направило казачий конный корпус ген. Шкуро по двум направлениям: Кубанскую дивизию этого корпуса с ген. Шкуро в общем в западном направлении, в сторону Екате-

ринослава на Днепре, и Терскую дивизию во главе с ген. Топорковым в общем северном — на г. Славянск и далее.

Официальное сообщение штаба В. С. Ю. России от 20 мая говорит о новых блестящих успехах дивизии Шкуро:

„Кубанские партизаны и Хоперцы ген. Шкуро, совместно с Волч. партизанским отрядом, овладели ст. ст. Удачная и Фирсово и, свернув на Юг, заняли район Алексеевка — Богадырь — Андреевка, далее Сонцевку — Улакы“...

В сообщении штаба Добровольческой армии 22 мая говорится:

„Конница Шкуро заняла С. Керманчик, разгромлены большевики в Н. Каракуба... Весь район восточнее линии ст. Зачатьевская — д. Ялта от противника лихими Кубанцами очищен“.

Сообщение той же армии 23 мая говорит:

„Конница Шкуро продвигается на запад, гоня остатки Махновцев на ст. Пологий“...

Тот же штаб 24 мая писал:

„В Бердянском направлении конница Шкуро продолжает преследовать разбитые части Махно“...

И в конце концов, 25 мая кубанская конница взяла центр военной организации „батька Махна“ — селение Гуляй Поле. В этот же день взята ст. Пологий.

Одновременно с этим быстрым продвижением конницы Шкуро на широком фронте западного направления, в том же направлении продвигался отряд ген. Виноградова, действовавший ближе к Азовскому морю. В этом отряде особенно отличался Кубанский Лабинский полк. После занятия г. Мариуполя был занят г. Бердянск, лежащий, как известно, на берегу этого моря. 26 мая, как говорит офиц. сообщение Добр. армии, Лабинский полк уже занял узловую станцию Верхнетокмак, лежащую на пересечении жел. дорог Бердянск-Чаплино, и Донецкий бассейн-Крымский полуостров. В том же отряде весьма успешно действовал донской казачий полк, и официальное сообщение штаба Добр. армии от 31 мая говорит: „Один из донских полков на Мелитопольском направлении в бою захватил 2000 пленных“...

Для поддержки удара казачьей кавалерии, действовавшей в общем направлении Нижнего Днепра, были перероботаны и кубанские пластуны, весьма успешно работавшие по линии железной дороги на Екатеринослав: 28 мая пластуны взяли станцию Демурино, что лежит примерно в 20 верстах к востоку от узловой ст. Чаплино, а 4-го июня в руки Кубанских пластунов попала и эта последняя важная узловая станция. Как отмечает офиц. сводка штаба Добр. армии, пластуны гнали большевиков далее на запад, на ст. Синельниково.

8-го июня кубанцы взяли Павлоград, а 10-го июня части Шкуро подошли уже к самому Екатеринославу на пушечный выстрел. 11 июня кубанцы заняли Славгород, 13-го июня Кубанские пластуны подошли к берегу Днепра между Екатеринославом и Александровском, а 16 июня кубанцы заняли самый Екатеринослав, перейдя таким образом на правый берег р. Днепра.

Как видим, кубанские и донские казачьи части действовали весьма и весьма успешно на тех самых землях, где в течение первых месяцев 1919 г. легко была разбита и отброшена в Крым Крымско-Азовская русская армия. Малочисленные остатки этой „армии“ могли задержаться только на Акманайских позициях вблизи Керченского пролива...

Мы отметили выше директиву армиям, данную ген. Деникиным 8 мая. Согласно этой директиве Крымским частям, занимавшим Акманайские позиции, приказано было стоять на месте. И в то время, когда кубанские и терские казачьи части разгромили большевицкие силы в начале мая в Юзовском и Мариупольском районах, когда эти же части в течение всего мая гнали на запад к нижнему Днепру остатки большевицких войск, Крымская группа войск Деникина оставалась на месте...

Когда кубанцы и донцы уже начали закрывать выход из Крыма на север, генерал Деникин решил, что настало время и для перехода в наступление в Крыму (3-й корпус ген. Шиллинга). Однако, перед этим наступлением Деникин предусмотрительно усилил Крымский корпус... теми же вездесущими Кубанскими пластунами.

Наступление в Крыму началось только 5 июня (Деникин, т. V, стр. 106). Даже в офиц. сообщениях штаба отмечается не раз, что Кубанские пластуны сыграли выдающуюся роль при очищении Крыма. Например, в сводке говорится, что „8-го июня лихие кубанцы на Карасубазарском направлении выбили красных из нескольких позиций. После захвата кубанцами Карасубазара, в Крыму, с одной стороны, и выхода кубанцев же на севере от Крыма к р. Днепру, большевицкие крымские войска охватила самая настоящая паника. Для характеристики состояния большевицких войск в Крыму приведем выдержку из официального органа Кубанского правительства „Вольной Кубани“:

„В Крыму по всему фронту полное бегство большевиков. Опасаются, что они (большевики), будут окончательно отрезаны в Крыму от Совдепии войсками ген. Шкуро и Виноградова. Бегство большевиков настолько поспешно, что они оставляют все положительно имущество, даже духовые оркестры полков“...

Майские победы казачьих конных полков и батальонов над большевицкими войсками между реками Калмиусом и Днепром принудили большевицкое командование бросать на этот фронт подкрепления с разных концов. Между прочим, 2-я, т. наз. украинская большевицкая армия, действовавшая на этом фронте, 22 мая была переименована в 14-ю советскую армию. Однако основная сила этой армии — полки „батя Махна“ — подняли восстание против советской власти, бросили фронт и под водительством Махна ушли на правый берег Днепра. В связи с этим, как свидетельствует Егоров, „положение на правом фланге фронта становилось близким к катастрофе, командование фронтом не имело здесь никакого реального обеспечения“ (Егоров, цит. выше его работа, стр. 97).

Большевицкое командование собралось в начале июня „путем организации ударной группы из двух армий (14-й и 12-й, последняя занимала фронт на р. Днепре против Румын) в районе Синельниково (к востоку от г. Екатеринослава) и выходом этой группы на фланг добровольцев в район Славянск-Юзово остановить наступление противника на Харьков. В дальнейшем та же группа должна была продолжать развивать успех и вернуть Донецкий бассейн. Попытка эта не удалась с самого начала. Корпус Шкуро, нанес поражение Махну под Гуляй Поле (24 мая), был брошен белыми против 14 армии в Екатеринославском направлении и вынудил эту армию к отходу на Днепр“, свидетельствует быв. большевицкий главный Егоров стр. 98).

Это сообщение ясно говорит о том, что казачьи полки и батальоны своим могучим молниеносным ударом со стороны Донецкого бассейна на нижний Днепр не только распылили 2-ю большевицкую армию, переименованную в 14-ю, но в корне разрушили новую попытку московского командования собрать сильную ударную группу войск из двух армий для похода в Донецкий бассейн с запада.

Подводя общие итоги боевым операциям казачьих войск нашего левого фланга в мае и первой половине июня 1919 г., мы с полной объективностью можем сказать следующее:

1. Казаки не допустили проведения в жизнь директивы Московского командования, данной 28 апреля, путем наступления правым флангом большевицких армий на фронте Дебальцево-Мариуполь выйти к Ростову и Новочеркаску;

2. Казаки вернули Юзовский и Мариупольский районы, захваченные большевицкими войсками у добровольцев в конце апреля и в самом начале мая;

3. Казаки, действуя против директивы ген. Деникина № 06796, от 8 мая, предписывавшей только оборону на этом фронте, разгромили 2-ю и правый фланг 13-й большевицких армий;

4. Казаки не допустили организации большевиками ударного кулака из 14-й и 12-й большевицких армий для нового похода на Казачьи Земли;

5. Казаки принудили большевицкие войска очистить Крымский полуостров.

Само собою разумеется, что эти достижения сравнительно небольших казачьих сил на этом фронте находятся в полной связи с подобными успехами казачьего

оружия на других фронтах и в связи с некоторыми восстаниями украинского населения против большевиков.

Роковым несчастьем для Казачества было то, что на освобожденных казаками от русской красной власти Землях восседали представители „белой“ России. И то, что добывалось казачьей кровью, губилось русской политикой.

Деникин авторитетно пишет: „Добровольческая армия, наступая безостановочно, к 22 мая заняла Славянск, отбросив части 8-й и 13-й сов. армий, расстроенные и растаявшие, за Сев. Донец“ (Очерки смуты, т. V, стр. 104).

Правду ли пишет ген. Деникин, утверждая, что русская Добр. армия заняла г. Славянск?

В действительности дело было так: в Славянском направлении были пущены кубанские пластуны и терская конная дивизия из корпуса Шкуро. На долю этих казачьих частей припало ведение решительных боев вдоль главной железно-дорожной линии, идущей из Ростова через Таганрог—Никитовку—Краматорскую на г. Славянск. Обратимся к официальным документам, касающимся боев в этом направлении:

Официальн. сообщение штаба В. С. Ю. Р. 22 мая 1919 г., № 147, говорит:

„На Славянском направлении кубанские пластуны заняли станцию Дружковку. По показаниям перебежчика врача, отходящие за р. Донец красные части не исполняют приказа задержаться за рекою и разбегаются по домам“ („Вольная Кубань“ за 24-V-19).

Офиц. сообщение штаба Добр. армии от 23 мая свидетельствует:

„На Славянском направлении кубанские пластуны вступили в бой у Краматорской“...

Офиц. сообщение штаба В. С. Ю. Р. от 26 мая 1919 г.:

„На Славянском направлении к вечеру 22 мая доблестные кубанские пластуны, после упорного боя, овладели с. Петровка и ст. Краматорская“ („Вольн. Кубань“ за 26-V-19).

Сообщение Добр. армии от 24 мая говорит:

„Город Славянск взят одновременной атакой кубанцев и терцев“. По этому поводу официальный орган Куб. Правительства „Вольная Кубань“ 25 мая 1909 г. писала следующее:

„Доблестными кубанскими пластунами при поддержке конницы Шкуро (подразумевается терская дивизия корпуса ген. Шкуро) нанесен окончательный разгром. 13-й сов. армии в районе станции Краматорская и города Славянска. Лихой атакой в лоб противника пластуны разгромили красных у станции Краматорская и повели решительное наступление на красных, защищавших с особенным упорством гор. Славянск. Конница Шкуро (терская дивизия ген. Топоркова) пошла в обход Славянска слева. Перерезала линию желез. дороги со Славянска на Лозовую у ст. Бантышево и пошла в тыл г. Славянска. В это время лихие пластуны стремительной атакой сбили красных со всех позиций и ворвались в г. Славянск, уничтожая оказывающих сопротивление красных. В Славянске взята огромная добыча... много пленных, орудия, пулеметы, масса подвального состава, 30 паровозов. Остатки 13 армии в полной панике бегут на ст. Лозовую и за Донец на ст. Лиман. Преследование продолжается“...

Как видим, официальные сообщения двух штабов, где заседали русские люди, и официальное сообщение „Вольной Кубани“ совершенно ясно говорят о том, что г. Славянск взяла кубанская казачья пехота при энергичной поддержке терской конной дивизии. Зачем же быв. главнокомандующий пишет то, что совершенно не соответствует действительности?

После взятия г. Славянска терская казачья дивизия направилась прямо на г. Изюм и 27 мая взяла его. Офиц. сообщение штаба В. С. Ю. Р. 28 мая писало по этому поводу: „27 мая после весьма упорного боя доблестными терцами взят Изюм. Защищавшие город коммунисты изрублены“. („Вольная Кубань“, № 116, за 30.5.19).

В то же время кубанские пластуны были двинуты из г. Славянска в направлении чрезвычайно важной узловой железно-дорожной станции — Лозовая (лежит

на перекрестке дорог Харьков — Севастополь и Славянск — Полтава). И в офиц. сообщении штаба В. С. Ю. Р. от 29 мая читаем: „На Лозовском направлении мы (куб. пластуны) заняли с. Барвинково“. Потом „славными кубанскими пластунами заняты Б. Камышеваха и Сергиевка“, в направлении от Изюма на Лозовую. („Вольная Кубань“ от 1-VI-19.). Далее, 4 июня, кубанские пластуны взяли Языково и с. Даниловку и, наконец, захватили самую ст. Лозовую. В офиц. органе Кубанского Правительства „Вольной Кубани“, за 6 июня, № 122, читаем следующее:

„Доблестные кубанские пластуны взяли Лозовую, несмотря на упорнейшее сопротивление нескольких советских полков, только что прибывших из Харькова.

Взятие Лозовой имеет громадное значение, так как со взятием Лозовой совершенно отрезывается от Советской Крымская советская республика, которая без подвоза снарядов из Харькова долго существовать не может, тем более, что вся правобережная Украина находится в руках Григорьева. Кроме того, в Лозовой разбиты самые лучшие полки красных, брошенные из резерва для защиты такого важного железнодорожного узла, как Лозовая“.

Мы отметили выше, что терская конная дивизия 27 мая взяла город Изюм и, таким образом, перерезала линию важной жел. дороги Харьков — Изюм — Яма — Луганск — Миллерово. В то время, как кубанские пластуны победоносно шли на Лозовую, терская дивизия двинулась далее на север, в обход г. Харькова с востока. 1-го июня славные терцы захватили уже г. Купянск, где находился штаб 13-й советской армии, принесшей столько зла казакам (быв. группа Кожевникова). Приведем короткое описание этой новой казачьей победы:

„1 июня доблестная конница ген. Топоркова (терская дивизия) подошла к Купянску и обошла его с северо-запада, нанесла полное поражение красным. В городе бой продолжается. Красные разгромлены наголову. Взятые орудия, пулеметы, часть штаба 13-й сов. армии и др. военная добыча. Все пути к северу от Купянска перерезаны нами. Паника среди красных не поддается описанию. Бегут все кто куда попало“. („Вольная Кубань“ за 2 июня 1919 г.).

Взятие терцами г. Купянска имело колоссальное стратегическое и политическое значение: перерезана была железная дорога Харьков — Купянск — Камышеваха — Никитовка — Таганрог и жел. дорога Харьков — Купянск — Лиски, а также жел. дорога Белгород — Купянск и т. д., захвачен военный центр, из которого армия Кожевникова, переименованная потом в 13-ю армию, вела наступление на Казачьи Земли в течение всей зимы и весны 1919 г.

После взятия Купянска терская казачья дивизия продолжала весьма энергичное наступление на северо-запад, на Белгород, обходя Харьков с северо-востока и с севера. Офиц. сводка штаба В. С. Ю. Р. от 6 июня, № 162, говорит: „На Белгородском направлении нами заняты станции Шиповатое и Бурлук (в 65-70 верстах к востоку от Харькова). Потом Терцы взяли г. Волчанск, и 10 июня доблестная терская дивизия вступила уже в г. Белгород, перерезав железнодорожную линию Харьков — Москва, а 11 июня терцы обошли Харьков с северо-запада и перерезали жел. дорогу Харьков — Брянск и Белгород — Ворожба — Киев“.

В то время, когда казачьи полки и батальоны громили большевические войска на огромных равнинах Украины от Калмиуса до Днепра и от Азовского моря до Белгорода, в то время, когда казачьи войска после Манычского разгрома 10-й сов. армии гнали ее на Царицын, в самое решительное и весьма энергичное наступление перешла донская армия на длинном фронте от района г. Луганска до нижнего Маныча и Сала. Официальная сводка донской армии от 13 мая уже констатирует:

... „Таким образом за 4 дня, с 8 по 13 мая, доблестными донскими армиями достигнут огромный успех почти на 200 верстном фронте. Очищено все пространство между Доном и нижним течением Сала и

Маныча и к востоку вдоль линии Мартыновка — ст. Каргальская. Полностью очищен от красных весь плацдарм в районе ст. Усть-Быстрианской, форсирован Донец на 50 верст. участке от х. Синегорского до х. Дубового“.

Казачьих побед на всем большом протяжении донского фронта не могут отрицать ни белые, ни красные русские люди, так как на этом фронте Деникин совсем не имел своих добровольцев.

Относительно майских побед донской армии большевические исследователи опубликовали между прочим следующее:

„Окончательно надломил силы Южного фронта прорыв центра 9-й красной армии. Этот прорыв совпал по времени с завершением противником своего контр-маневра в Донцеком бассейне. 11 мая крупные силы противника (преимущественно конницы) переправились через Донец у хутора Дубового на стыке 23-й и 16-й дивизий и, распространяясь на север в направлении станции Глубокая и на восток в направлении станции Калитвенской, вышли в тыл 16-й и 23-й дивизий. Стремления этих дивизий сомкнуть фронт и отбросить прорвавшегося противника успеха не имели. 16 мая белые подходили уже к станции Миллерово, углубившись в тыл красных на 75 км. и окончательно разрезав 9-ю армию на две части. Ближайшей целью прорвавшейся группы белых являлось скорейшее соединение с Вешенскими повстанцами. Находившаяся на правом фланге 9-й армии 16 дивизия отходила на северо-запад в расположение 8-й армии (район ст. Митякинской), а другие 2 дивизии (23-я и 14-я), находившиеся к востоку от прорыва, в общем направлении на северо-восток и север, обходя район восстания с востока. Окруженные повстанцами, не руководимые армией, эти дивизии самостоятельно пробивают себе дорогу. 9-ая армия, как таковая, временно как бы перестает существовать“... (Гражд. война 1918-1921, т. III, стр. 239-240).

Относительно побед донских армий ген. Деникин пишет:

„В середине мая началось наступление и донской армии. Правая группа Мамонова, форсировав Дон выше устья Донца, в четверо суток прошла 200 верст, преследуя противника, очищая правый берег Дона и подымая станции. 25 мая он был уже на Чире, а 6 июня, перервав жел.-дор. путь Поворино — Царицын, двинулся дальше, частью вверх по Медведице, частью в тыл Царицыну.

Другая группа, переправившись у Калитвы, направилась по Хопру на Поворино; третья группа, форсировав Донец по обе стороны Юго-Вост. жел. дороги, преследовала отступающую 8-ю армию красных на Воронеж, в то время, как отдельный конный отряд ген. Секретева двинулся на северо-восток прямым путем в район восставших казаков Верхне-донского округа.

Результатом этого искусного и полного порыва наступления донской армии было поражение 9-й и части 8-й советской армии, соединение с восставшими и очищение всей Донской области“ (Деникин. Очерки, т. V, стр. 106).

Сделаю общую оценку чрезвычайных успехов донского казачьего оружия выше приведенными отзывами красных и белых русских людей, мы теперь несколько подробнее остановимся на действиях левого фланга наступающих донских армий, фланга, действовавшего в непосредственном соседстве с добровольческими частями. Как говорит официальное сообщение, 19 мая донцы заняли Луганск, Меловую, Сборную. Далее донские войска повели энергичное наступление в северо-западном направлении от жел.-дор. линии Миллерово — Луганск, в общем направлении на Беловодск — Старобельск. Донцы занимают Райгородку, Петропавловку, Святодмитриевку, Ново-Айдар, Беловодск, при чем, как отмечает телеграмма от 29 мая, „противник сбивается со всех позиций и, теряя пленных, оружие и патроны, отходит на север“. Дальнейшие сводки отмечают все новые и новые успехи донского оружия в этом направлении:

„1 июня доблестные донцы, двигаясь к северу от г. Беловодска и Старобельска, заняли Марковку, Бугаево, Каменку и подходят к Осиново“ (все пункты, в

общем, к востоку от г. Купянска, который как известно, 1 июня был занят терской казачьей дивизией).

„5 июня. При поддержке бронепоездов доблестные донцы, наступающие вдоль жел. дороги на Лиски, с боем овладели ст. Кантемировка и гонят противника на Евстратовку и на Богучар.

Другая колонна донцов, наступающих к северу от г. Старобельска, разбила красных у селения Шарова (на р. Айдар, на границе Харьковской и Воронежской губерний) и Александровки, заняла эти селения и гонит противника на г. Валуйки. Среди красных после неоднократных поражений наступила полная паника. Мобилизованные разбегаются из полков по деревням, не желая сражаться (кругом живет украинское население). В некоторых полках осталось не больше как по 100 человек“ („Вольная Кубань“ за 6 июня 1919 г.).

Из выше приведенных данных видно, что казаки в мае и в начале июня разгромили 10-ю, 9-ю, 8-ю, 13-ю и 14 советские армии и безостановочно гнали их за пределы казачьих земель. Ясно было одно: красная Россия потерпела крах в своих наступательных стремлениях...

Что же делали в это время русские „белые“?

Добровольческие части Май-Маевского ген. Деникин направил в промежутки между двумя ударными казачьими колоннами, кубанские пластуны и терская конница наступали на Дружковку — Краматорскую — Славянск, донцы наступали на Луганск — Старобельск, а добровольцы между ними на Бахмут — Камышеваха — Яма. Кубанцы и терцы на Славянском направлении громили 13-ю сов. армию, донцы у Луганска били по 8-й сов. армии, а добровольцы продвигались по линии жел. дороги Никитовка — Камышеваха, прикрытые казаками с запада и северо-запада (кубанцы и терцы), а также с востока и северо-востока (донцы). При чем, очевидно, и в центре вместе с добровольцами были и

казаки. Например, сообщение от 24 мая говорит, что „в районе Бахмута казаки захватили большевизский пассажирский поезд с несколькими комиссарами“, и что поезд этот был отправлен в Ростов.

После поражения в районе г. Славянска большевики поспешно отступили за р. Донец. Сообщение говорит о том, что

„В Харьковском направлении жел. дор. путь на ст. Рубежная и Кременная забит составами поездов с потухшими паровозами, брошенными большевиками. Вся станция Лиман также забита составами. Наш бронепоезд, доходивший 24 мая до ст. Лиман, противника не обнаружил“ („Вольн. Кубань“ № 115, за 29-V-19.).

После этого добровольцы заняли ст. Лиман и потом ст. Святогорскую, но это сделано было после того, как терская дивизия 27 мая заняла г. Изюм, перерезав ж. д. линию на Харьков. Терцы пошли далее на север в сторону г. Купянска. Добровольцы тогда продвигаются и по линии жел. дор., ведущей на Купянск с юго-востока.

Таким образом добровольцы действовали сначала на небольшом участке в районе Бахмута — Камышевахи — Яма, надежно прикрытые казаками. Когда же казаки взяли Славянск и Изюм и наступали успешно на север в сторону г. Купянска и на запад в сторону станции Лозовой, добровольцы начали продвигаться между кубанскими пластунами, наступавшими на Лозовую, и терской дивизией, направленной Деникиным в обход Харькова с востока и с севера. Конечно, добровольцы направлялись между казачьими войсками на Харьков, по линии жел. дор. Изюм — Змиев — Харьков.

4 июня кубанцы захватили ст. Лозовую, что лежит к югу от Харькова, 10-го июня терцы отрезали Харьков от Москвы, захватив г. Белгород, а 11 июня добровольцы заняли Харьков.

(Окончание II части следует).

Оперативная сводка

Штаба восставших войск Верхне-Донского Округа о численности и наименовании частей красных войск, участвовавших на фронте восставших.

№ по порядку	Наименование частей:	пехоты:	конницы:	пушки:	пулемет.:	Командиры полков и отрядов красн. войск:
1	1-й револ. Московский полк	4000	—	—	24	Ударная группа, командир группы т. Лозовской Ч.В.Р.С. т. Дорохин генер. царской службы т. Врановский Усть-Медведицкий гарнизон, еврей Вольнский, б. н-к штаба 15-й Инзин. дивизии Ротмистр царской службы т. Панунцев Под командою к-ра VIII армии т. Антонова
2	5-й Заамурский конный полк	—	800	7	8	
3	2 отдельных отряда	1300	—	4	12	
4	2 полка курсантов	3000	—	6	18	
5	4-й Кронштад. мотросский полк	1800	—	4	16	
6	2 карательных отряда	1200	—	—	15	
7	4-й Сердобский пех. полк	1300	—	3	18	
8	Батальон Лыжников	1500	—	8	50	
9	5-6 рабочие крестьянские отряды	1200	—	—	8	
10	2 эскадрона латышей	—	200	—	—	
11	Сотня казаков	—	120	—	—	
12	Царицынский кон. полк	—	1100	3	6	
13	Камышинский кон. полк	—	1000	—	4	
14	Саратовский кон. полк	—	1000	3	6	
15	13-й Краснознаменный кон. полк	—	1000	2	8	
16	15-я Инзинская дивизия	1800	—	32	80	
17	Дивизион конницы	—	350	—	—	
18	3 карательных отряда	800	—	—	—	
19	Богучарский непобедимый полк	1700	—	4	6	
20	4 сотни каз. имени Ленина полка	—	400	—	—	
21	3-й Московский пех. полк	1200	—	3	16	
22	4-й Мцинский пех. полк	1600	—	—	20	
23	Бобровский пех. полк	1200	—	3	16	
	Всего	39800	5570	82	341	

Сводка составлена 16 мая 1919 г.

П. Кудинов.

Т. Стариков.

Иван Васильевич Турчанинов.

Героическая эпоха Донского казачества окончилась при первом Российском императоре Петре I. Этот царь, доведя донских казаков до восстания, уничтожил потом свыше двух третей казачьего населения, истребил почти все ценное, все духовно сильное и, казалось бы, навсегда убил в казачестве прежний свободолюбивый дух, прежнее стремление к независимости. Казачество было обезличено, обезглавлено и погрузилось на целое столетие в какой то исторический сон. Наступила темная и, казалось, беспросветная эпоха. Но так казалось. Все это время казаки залечивали раны, нанесенные Петром, копили физическую и духовную мощь.

Просыпаться от долгого сна казаки стали после того, как исколесили Европу во время долгих наполеоновских войн, и тогда, когда среди них стали появляться люди с университетским образованием. Особенно сильную встряску казачьей мысли дал знаменитый донской историк Сухоруков. Александр I решил создать для Дона новые законы и назначил для проведения этой работы своего любимца ген. Чернышева. Чтобы лучше выполнить волю царя и приблизить новое законодательство к обычаям казаков, Чернышев решил узнать их историю, нравы, обычаи. Для этой работы и был выдвинут молодой, талантливый и весьма по тому времени образованный офицер Сухоруков. Вместе со своими помощниками он собрал богатейший материал и написал свое Историческое описание Земли В. Д. К глубокому удивлению всего казачества, его старшины и дворянства, оказалось, что Дон был не так давно независимым государством, что жизнь на Дону была построена на иных началах — на свободе, равенстве, народоправстве.

Особенно, и при том неприятно, был поражен сам Чернышев. Он решил замять это дело, приказал уничтожить в истории Сухорукова все наиболее существенное, исказил весь труд до неузнаваемости и приказал не печатать его даже в таком виде.

Но казаки успели узнать правду. Среди них начинается брожение и создается новое политическое течение, ставящее себе задачу добиться автономии для Дона, т. е. самого широкого самоуправления. К этому течению принадлежали сам Сухоруков, его помощники, братья Грузиновы, И. В. Турчанинов и другие.

О Турчанинове никто из казаков до сих пор ничего не знал. Даже в донской „библии“ проф. Сватикова сказано о нем мало.

И вот, вдруг, совершенно, можно сказать, неожиданно из Северной Америки получают письма казаков А. Аникушина и В. Пономарева, в которых они дают ценные сведения об этом замечательном казаке.

Оказывается, что И. В. Турчанинов считается в Америке военным героем, инженером, писателем, энергичным и просвещенным человеком.

Что же заставило бежать его в Америку, как и почему он стал донским автономистом, где получил образование?

По американским источникам, приведенным А. Аникушиным и В. Пономаревым, устанавливается, что И. В. Турчанинов родился 24 декабря 1822 г., окончил среднюю школу и поступил в Петербургское Военно-Артиллерийское училище. Девятнадцати лет он окончил эту школу (1841 г.) и был зачислен в конную артиллерию младшим офицером. В 1848-49 году И. В. совершил Венгерскую кампанию, въ следующем 1850 г. поступил в Военную Академию, через два года блестяще окончил ее и был произведен в штабс-капитаны.

В 1854 г. И. В. был отправлен в Действующую армию в Крым. Работая в штабе, он настолько выдвинулся, что был произведен в полковники (34 лет от роду).

Турчанинов был хорошо известен царю, который, между прочим, лично поручил ему произвести обследование всего района от Петербурга до Нарвы и со-

ставить проект его укрепления. Ему же, по одобрении проекта, было поручено и его выполнение. После этой работы Турчанинов был назначен начальником штаба гвардейского корпуса, расположенного на Западе.

Все складывалось так, что И. В. Турчанинова ожидала блестящая карьера. Но он неожиданно прервал ее, покинул пределы России и уехал в Америку.

Эмигрант Головин в своей газете „Стрела“, издававшейся в Лейпциге, спрашивал (№ 1, 15 декабря 1858 г.): „Куда девался главный Штаба Полковник Турчанинов?“ А во втором номере той же газеты от 15 января 1859 г. он помещает корреспонденцию из Петербурга о том, что Турчанинов в Лондоне.

„Таким образом определяется год, когда этот замечательный донской патриот должен был покинуть свою родину и стать эмигрантом“. (Чужинец. „Великор. казакофильство“... Журнал „В. К.“, № 103, стр. 3).

В начале прошлого столетия стала развиваться любовь к старине не только у самих казаков, но появилось и среди некоторых русских людей желание изучить историю казаков, их быт, нравы, традиции. Жизнь казаков рисовалась им, как готовый образец той жизни, которую они мечтали привить русскому народу. Казаками заинтересовались, их стали изучать, родилось „казакофильство“.

Известный друг и сподвижник Герцена Н. П. Огарев, проезжая в 1839 г. на Кавказ, заметил, что перевозивший его через Дон казак был грустен и как то особенно угрюм. Это поразило Огарева, тем более, что настроение казака не соответствовало очаровательной природе. Поэт спрашивает казака:

Зачем ты впальми очами

Так дико смотришь, мой казак,

Когда все весело пред нами?

Казак объясняет причины своей грусти и, между прочим, говорит:

Дворяне наши уж не с нами:

Они враги для казаков,

Гнут только спины перед вами (русскими Т. С.)

Исчезла прежняя свобода

И прежних прав простыл и след...

Но скоро минет угнетенье,

Терпенье лопнет...

Близка пора: мы бурной тучей

За вольность встанем, за права,

Дадим врагам отпор могучий,

Их пошатнется голова...

Но до тех пор мой взор угрюм...

Поэт, пожав руку казаку, сошел на берег, а казак с песней поплыл назад.

Вот что он пел:

Дай ты ему (мужу) саблю новую,

Дай и крепкое копьё,

Пулей меткою свинцовую

Заряди его ружье...

И ударит на губителей

С казаками смело он,

И избавит от гонителей

Наш родимый славный Дон...

„Если Огарев“, говорит Чужинец в „В. К.“, „изобразил с удивительной силой мечты рядового казака о полной независимости Дона от России, то другой поэт, Н. В. Кукольник, описал в стихах настроение казачьих верхов. В 1847 г. он приехал в Новочеркасск и „настолько проникся донскими казачьими идеями, что написал стихи в донском автономистском, если даже не в сепаратистском духе. При бурном восторге донцов прочитал он в одном знакомом доме свой яко бы „экспромт“. (Чужинец. „В. К.“ № 103).

Заканчиваются стихи так:
 Всплесни же, старый Дон, могучею волною,
 Благословенье дай казачеству обломкам...
 Ведь ты пред смертью, твой час последний б'ет.

Граф Киселев во грудь твою воткнет
 Меч Государственных Имуществ...

Последние слова сказаны по поводу слухов, что буд-то бы министр Государственных Имуществ приготовил проект о превращении донских казаков в государственных крестьян.

На стихи Кукольника ответил длинным стихотворением офицер донской гвардейской артиллерии И. В. Турчанинов, как перед тем ответил на стихи графини Растопчиной донской историк Сухоруков.

Стихотворение Турчанинова произвело сильное впечатление на казаков. Оно переписывалось на Дону и заучивалось на память. Но оно нигде никогда не было напечатано.

Около 50 лет спустя, в 1894 г., когда острота вопроса, поднятого Турчаниновым, казалось бы, прошла, донской историк Карасев сообщил эти стихи в „Русский Архив“, и тем не менее он не считал возможным напечатать из них „хотя бы строчку, так они были резки“. (Чужинец, там же).

Турчанинов был, как говорилось выше, начальником штаба гвардейского корпуса, приближенным к царю лицом и тем не менее написал стихи, направленные против угнетений казаков Россией. Он не посмотрел на то, что перед ним стояла блестящая карьера, и написал о том, что мучило его совесть, что угнетало и озлобляло его.

В. Пономарев пишет из Америки, что И. В. Турчанинов в своих литературных работах „часто и на многих страницах с обидой и болью говорит о разделении войсковых частей на сынов и пасынков и с горечью замечает, что какие бы блестящие дела ни были совершены пасынками, они всегда остаются в тени. В „Уроках Последней Войны в С. А. С. Штатах“ он особенно отмечает это“, советует избегать этого, бояться как чумы“. В пример И. В. Т. приводел русскую армию. Надо полагать, что пасынками в России как раз и были казаки.

Такое отношение к ним, как в войсковых частях, так и на Дону, очевидно, создало для И. В. Т. невыносимое положение, и он решил уйти из России и искать за океаном вторую родину.

Но что же прославило И. В. Турчанинова на его новой родине?

По приезде в Америку И. В. Т. поступил в Чикаго на должность инженера топографа при Иллинойской жел. дороге. Вместе с ним служили и знаменитые впоследствии Меклеллан, будущий президент Линкольн и др. В 1861 г. вспыхнула Гражданская война между Югом и Севером. И. В. Т. поступил добровольцем в правительство войска Севера. Ему было предложено в чине полковника вступить в командование 19 Иллинойским Добровольческим пехотным полком. В июле он занял эту должность. Под опытным командованием И. В. Т. его полк скоро превращается в лучшую в строевом и боевом отношении часть.

Через год, а именно 7 июля 1862 г., полковник Турчанинов производится в генералы и назначается командиром 3-й бригады, состоявшей из четырех пехотных полков и входившей в состав 4 дивизии 14 корпуса. Ему всюду сопутствовал успех. Он приобретает громкую известность и славу.

Особенно прославился И. В. Т. в сражении у Чикмага при взятии Миссионерского Гребня. Вот как описывает этот бой на основании американских источников А. Аникушин:

„25 ноября командующий Северной армией генерал Гранд с группой офицеров штаба стоял на холме и наблюдал за ходом великого сражения. Части 14 корпуса вели атаку на Миссионерский Гребень при невероятно трудных условиях. Гребень имел отвесные скалы, долины же были завалены срубленным вековым лесом. По гребню тянулись два ряда окопов, на вершине стояла

многочисленная артиллерия. Командующий Южной армией считал свою позицию неприступной. Он настолько был убежден в невозможности взять ее, что во время хода самого боя приказал снять с позиции 20.000 войска, к вечеру же снял еще одну дивизию.

И. В. Турчанинов.

Генерал Гранд также был убежден, что позиции противника взять нельзя, поэтому приказал войскам занять один из рубежей и дальше не двигаться. Но оказалось, что части не выполнили приказа и перешли в решительное наступление. Началось жестокое сражение. Один из штабных офицеров ген. Гранда позже говорил: „Непоколебимый командующий армией ген. Гранд был поражен и удивлен, что наступающие части не остановились на указанном им месте. Быстро повернувшись к ген. Томасу, он гневно спросил: „Кто дал распоряжение войскам двигаться на вершину гор?“ Тот ответил неизвестно. Круто повернувшись налево в сторону ген. Гордона Гренджера, ген. Гранд спросил и у него: „Ты передал распоряжение о наступлении на горы?“

„Нет“, ликующе ответил тот, „они наступают без приказа, и теперь целый ад не может остановить их“. Сражение было выиграно. Главным героем его был И. В. Турчанинов, командовавший в нем своей бригадой.

Взятые позиции были названы солдатами „адам смерти“.

У ген. Турчанинова был излюбленный способ боевых операций быстро и решительно захода в тыл и фланг противнику. Один из его начальников при прощании говорил ему: „Ты наносил удар за ударом с быстротой, не имеющей себе подобной“. Эти способы как раз в те времена употреблялись казаками.

И. В. Т. командовал и конной дивизией. Американцы во время войны в своих газетах называли его „бесстрашным, храбрым, героическим казаком“. Но он составил себе славу не только как воин, но и как образованнейший человек и как писатель. Он написал несколько выдающихся военных трудов, говорил и писал на нескольких иностранных языках и был „самым образованным человеком в обеих враждующих американских армиях“. (А. Аникушин).

Он пользовался в Америке совершенно исключительным вниманием и популярностью. За какое то чисто принципиальное расхождение со своим начальником И. В. Т. был предан суду и отрешен от командования полком. Вся общественность стала на его сторону. Солдаты его полка поднесли ему великолепную саблю, которая была выставлена в окна газеты „Чикаго Трибун“ для обозрения публики. Помещая большие статьи в защиту И. В. Т., та же газета 7 июля 1862 г. восклицает: „Более рассудительного, здравомыслящего и опытного офицера, более храброго и доблестного человека нет сегодня в Северной Армии“.

После отрешения от должности И. В. Т. вернулся в Чикаго. Город устроил ему торжественную встречу. Празднование происходило в здании театра, в котором ныне помещается чикагская опера. Театр не мог вместить всех желающих принять участие в торжестве.

И вот, когда И. В. Т. поднялся на сцену, а театр гремел от аплодисментов, в залу вошел прибывший из армии офицер и быстро направился к сцене, где и вручил И. В. Турчанинову пакет от президента республики. Оказалось, что президент произвел осужденного полковника в генералы. Эта весть была встречена такой овацией, „которой никогда не было в городе Чикаго“.

Ген. Турчанинов немедленно вернулся в армию и принял указанную выше бригаду.

После войны И. В. Т. вскоре вышел в отставку, поселился в городе Чикаго и занялся частным делом. В 1879 г. он выехал в провинцию, где и поселился навсегда, сделавшись фермером.

Умер И. В. Т., как указано на его могиле, 18 июня 1901 г., прожив на свете 79 лет.

Из этих кратких и далеко не полных сведений о жизни и деятельности ген. И. В. Турчанинова видно,

что он принадлежит к лучшим сынам Тихого Дона, к его действительным патриотам. И если бы А. Аникушин и В. Пономарев не дали о нем из Америки сведений, мы, казаки, еще долго не знали бы о нем ничего.

А. Аникушин сообщил, между прочим, что казаки владели в Северной Америке огромными пространствами земель на полуострове Калифорнии. В 1846 г. русское правительство продало эти земли частным лицам за 30 миллионов долларов. В документе, свидетельствующем о продаже, говорится, что земли эти принадлежали „русским казакам“.

Как велика территория проданной земли, видно из того, что в 1867 г., т. е. через 21 год, то же русское правительство продало огромный и богатейший полуостров Аляску всего за 7 миллионов долларов, т. е. дешевле в 4½ раза („Возрождение“ от 30 апреля 1934 г.).

Совершенно неизвестно, когда и в каком количестве проникли казаки в Сев. Америку. Очевидно, их было не мало, иначе они не могли бы занять и владеть такой большой территорией. Этот весьма интересный случай нуждается в особом исследовании. Надо полагать, что казаки, живущие в Америке, постараются это сделать.

Есть, например, предположение, что первыми поселенцами на полуострове Аляске были казаки, открывшие с казаком Семеном Дежневым теперешний Берингов пролив и загнанные на полуостров разразившейся бурей. Надо полагать, что этим казакам трудно было проникнуть в Калифорнию, т. к. она была слишком далеко от Аляски, и казаков было не много. Очевидно, Калифорния была занята другими казаками. Но когда?

ДУМЫ И МЫСЛИ.

Призыв.

Братья казаки! Много раз обращалось „ВК“ с призывом к казакам — стать на свой истинный казачий шлях, на тот славный исторический шлях, идя по которому, наши вольные предки на протяжении веков несли столько жертв на алтарь своего вольного родного отечества. „ВК“ зовет к работе по установлению своего собственного независимого Казачьего Государства, зовет к единению под национальным освободительным знаменем и настаивает на том, чтобы все живые силы Казачества отданы были на борьбу за спасение и возрождение Казачества.

Вольное Казачество борется не за партийные идеалы, а за национальное освобождение. На эту борьбу оно и зовет всех казаков: и тех, кто в чужих краях пьет горькую чашу изгнания, и тех, у кого под красноармейской шинелью не перестало биться казачье сердце, и не умерло с молоком матери впитанное стремление к воле.

Враг наш — один: русский коммунизм. И цель должна быть одна: свободная независимая Казакья!

Вольное Казачество не навязывает никаких партийных программ, а лишь желает, совместно с другими угнетенными Москвою народами, сорвать оковы русского коммунизма и вывести свой казачий народ на путь свободного развития, величия и славы.

Вольное Казачество обращается не к тем, кто способен лишь предаваться праздным сожалениям и вздохам, а к тем, кто до самозабвения любит Казачество, кто смел, энергичен и способен к активной деятельности, т. е. к проявлению действенной любви по отношению к своей угнетаемой родине.

Необходимо, чтобы все казаки прониклись глубочайшей верой в свой казачий идеал и были готовы принести в жертву все свои силы и даже свою жизнь.

Все мы знаем, что красные московские оккупанты хозяйничают теперь в степях родных наших Краев, пропитанных казачьей кровью, и напрягают все силы

к удушению родного нашего народа. Но мы так же хорошо знаем и то, что вольный дух Казачества еще не угас, и что, рано или поздно, казачья Воля восторжествует.

Чтобы приблизить этот момент воскресения и торжества казачьей Воли, мы и должны все, как один, стать под сень освободительных знамен. Единство наше укрепит нас. Сплотившись под национальными казачьими знаменами и забыв вражду и рознь, мы будем представлять собою огромную политическую силу, так необходимую для достижения желанной цели — освобождения Казачества и образования собственного казачьего государства Казакии.

Да благословит Бог наш славный путь!

Иван Д. Попов.

30. V. 1934.

Mont-Ferrand, Франция.

Из заметок.

1. Русские студенты в споре с казачьими студентами:

„Казаки — народ? Это потомки беглых холопов с русским языком и русской верой“.

„В будущей России не должно быть никаких разделений, все должны быть русскими“.

„Лучше быть мужиком, да русским, чем казаком и не считать себя русским“.

2. Русский полковник: „Если в России не будет монарха, я туда не поеду“.

3. Донской генерал: „Скорей бы все это кончилось, да домой бы вернуться“.

Русский генерал: „Да кому мы там нужны? Кормят нас здесь, инвалидов, и Слава Богу“.

4. Жена (русская) своему мужу, казачьему генералу, рассердившись на него, с ненавистью бросает: „Казак!“ Недоумевающему же родственнику генерала поясняет: „Казак у меня ругательное слово; ведь они все такие грубые. Мне в России всегда приходилось крас-

Открытое письмо ген. Богаевскому.

Пришло время, когда не только сам ген. Богаевский, но и все казачье общественное мнение, должны отчетливо осознать, что казаки отвернулись от ген. Богаевского...

Где-же пресловутый т. н. общеказачий с'езд, который имел быть в г. Париже в дни 20-21 мая с. г.? Болезнь ген. Богаевского, равно как и стечение неблагоприятных обстоятельств, были причиной того, что с'езд отложен! Неужели ген. Богаевский считает себя „страшно умным“, а всех остальных казаков всего лишь дураками?..

Жестко ошибаетесь, ген. Богаевский, никто из казаков не верит в Вашу болезнь, ибо означенная „болезнь“ носит т. н. „дипломатический“ характер. Если Вы действительно созывали общеказачий с'езд, то как-же Вы могли показаться на этом с'езде, когда каждый делегат поставил-бы Вам вопрос о продаже документов большевикам и об освещении роли г. Мельникова в этом деле. Отлично сознаете, что подобная „история“ имеет весьма „деликатный“ характер...

Испытываемое чувство страха частенно вызывает „медвежью болезнь“, притом-же и настроение казачьих организаций, рискнувших принимать участие в несостоявшемся с'езде, было доподлинно известно Вам, и если бы с'езд действительно состоялся, то могло быть вынесено недоверие не только г. Мельникову, но и Вам — ген. Богаевский!!! Ничто-бы не спасло положения в этот момент, даже и деятельная защита и „реабилитация“ Вас со стороны участников с'езда по Вашему назначению, именно: остальных Атаманов, председателей казачьих правительств, представителей русского общевоинского союза, русских инвалидов, русских журналистов и т. д., и т. д.

На протяжении всего лишь шести месяцев два раза срывались казачьи с'езды, устраиваемые ген. Богаевским. Нужно быть очень толстокожим, чтобы не понимать того, что „был конь, да из'ездился“...

Стыдитесь, ген. Богаевский именовать себя Донским Атаманом, ибо на это не имеете никакого права с окончанием срока Вашего Атаманства в 1922 г. Кто дал Вам право и в дальнейшем именовать себя Донским Атаманом? — Отнюдь не Основные Законы В. В. Д., а просто Вы сами себя назначили „выборным“ Донским Атаманом на последующие сроки времени. Нет, ген. Богаевский, Вы — не Донской Атаман.

Верьте, что придет время, когда Вы должны будете предстать перед казачьим народным судом и ответить за свои деяния; никогда не забывайте того, что Вы являетесь государственным преступником в отношении Всевеликого Войска Донского, когда-то избравшего Вас на пост Донского Атамана.

Кто изменил Атаманской присяге — „Именем Бога Всемогущего перед Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом, перед Атаманскими войсковыми знаменами, кровью казачьей политыми, обещаюсь Войску Донскому служить не щадя живота своего, до последней капли крови, и все к славе и процветанию Войска Донского направлять и законы для того устанавливать, по крайнему своему разумению и силе, спешествуя всему, что к Войску Донскому, верной службе и пользе Государства относиться может?“ — Вы изменили, ген. Богаевский...

Кто надругался и растоптал Основные Законы В. В. Д. — конституцию Донского Государства, начинающуюся с определения: „Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное Государство, основанное на началах народоправства?“ — Вы, ген. Богаевский.

Кто связал судьбу Донского Казачества с судьбой „белого“ движения? — Вы, ген. Богаевский.

Кто вел Донское Казачество в поводу у ген. Деникина? — Вы, ген. Богаевский...

„Непрекращавшаяся внутренняя борьба между главным командованием и Доном закончилась победой ген. Деникина. Непокорный генерал Краснов только что передал Атаманскую булаву генералу Богаевскому, последний мягкий человек, явился послушным

орудием ставки“, пишет ген. Врангель (см. „Записки ген. Врангеля“ т. I, стр. 117). Да, Вы, ген. Богаевский, были послушным орудием ставки ген. Деникина, но не Донским Атаманом...

Следствием Вашей предательской политики и явилось оставление Донскими казаками территории Дона...

Ваша роль в отношении Верховного Круга Дона, Кубани и Терека, разорвавшего с ген. Деникиным и создавшего независимое Доно-Кубано-Терское союзное Государство? Никогда не забывайте того, чего мы, казаки, никогда не забудем Вам: „Донской Атаман, генерал Богаевский, однажды после очередного столкновения „Добровольческого центра“ с „Донским сепаратизмом“ не без основания писал мне: „... если-бы Дон изменил матери России, я швырнул-бы Атаманский пернач в лицо своему преемнику, который бы повел мою родину на самоубийство, а сам ушел-бы к Вам хоть рядовым в свой Партизанский полк“, пишет ген. Деникин в своих „Очерках Русской Смуты“. Жестко ошиблось Донское Казачество, избрав А. Богаевского на пост Донского Атамана. Не Донской казак, а русский лапотник Вы, ген. Богаевский...

Кто предал, погубил и бросил Донскую Армию на Черноморском побережье в 1920 г.? — Вы, ген. Богаевский...

Кто попустительствовал тому, что ген. Врангель имел возможность расправиться с высшим командным составом Донской Армии в Крыму в 1920 г.? — Вы, ген. Богаевский...

Кто заключил позорный договор с ген. Врангелем, унижающий честь, достоинство и свободу Казачества? — Вы, ген. Богаевский...

Кто произвел политический шантаж в отношении Донского Казачества, подменив Основные Законы В. В. Д. т. н. идеологией Об'единенного Совета Дона, Кубани и Терека? — Вы, ген. Богаевский...

Кто привел Донское Казачество к тому роковому концу, что Донские казаки гибнут у себя на Родине от руки большевиков и за границей — от тягот и лишений эмигрантской жизни? — Вы, ген. Богаевский...

Кто разогнал Донской Войсковой Круг за границей? — Вы, ген. Богаевский...

Кто сделал г. Пинуса (лицо еврейского происхождения) „идеологом“ казачьей единонеделимческой мечты? — Вы, ген. Богаевский...

Кто растранил, растратил многомиллионные войсковые капиталы В. В. Д., денежную казну Донского Казачества? — Вы, ген. Богаевский...

Кто наплевал на судьбу и долю Донского Казачества, кто спокойно смотрит, как вымирает Казачество за границей, уезжает за океан в поисках счастья, кто спекулирует именем Донского Атамана, устраивая свою личную жизнь, кто пальцем о палец не ударил для спасения гибнущего Донского Казачества? — Вы, ген. Богаевский.

Кто выявлял желание продавать войсковые земли Донского Казачества иностранцам? — Вы, ген. Богаевский...

Казаки не забудут и этого и на казачьем народном суде напомним Вам.

Это Вы, ген. Богаевский, написали на „Отчете о деятельности Донского Правительства за границей по 25 сентября 1921 г.“ (Константинополь. 1921 г.) — „Утверждаю: Донской Атаман генерал-лейтенант Богаевский. — 26 сентября 1921 г.“. Что же Вы утвердили? „Как на одну из возможностей получения необходимых средств, помимо сдачи угольных концессий, можно указать на продажу части свободных войсковых земель под колонизацию. С. В. Маракуев сообщает, что в Германии уже сейчас охотно скупаются мелкими участками земли в России. Чехословаки склонны также к колонизации и именно в казачьих областях. При убыли населения в России бояться тесноты не приходится; заселение же пустующих земель трудолобивым родственным народом полезно во всех отношениях“. Говорят, примеры, заразительны; пример Терского Атама-

на ген. Вдовенко, запродавшего войсковые нефтеносные участки иностранцам, видимо подействовал и на ген. Богаевского...

В сознании всего указанного, в уяснение всего недоброго, содеянного в отношении Казачества, что-же делали Вы, ген. Богаевский, за границей? Вы этого никогда не описали, мешала этому Ваша чрезмерная скромность, но мы не будем скромны, скажем Вам прямо в лицо... Вы забавляетесь, точно идет „пир во время чумы“. Лицо, именуемое себя Донским Атаманом, является профессиональным русским журналистом, помощником старосты в русской церкви, был и казначеем в комитете помощи борцам за Россию, возглавляете и организацию русских бой-скаутов, бегали выражать свое преклонение перед красотой „мисс России“, состоите и банкиром в банке, ведете сношения с большевиками, состоите членом суда чести для русских генералов, состоите членом общества русских офицеров генерального штаба и т. д.

Почему-же Вы, ген. Богаевский, не содействуете процветанию казачьей прессы, почему Вы не создадите казачью церковь, не образуете комитет помощи борцам за Казачество, почему не создадите организацию казачьих бой-скаутов, почему не образуете суд чести для казачьих генералов и т. д.

Итак довольно быть Вам белым на казачьем глазу; поймите, что Вы опостытели казакам; сторонитесь, освобождайте дорогу, идет Вольное Казачество, идут поднявшиеся казачьи патриоты...

Воля и Слава Казачеству, Вам-же, ген. Богаевский, изменнику и предателю Казачества, — наше презрение, лучшего не заслуживаете!..

Окружной Атаман В. К. во Франции: А. Ленинов.
Помощник Окружного Атамана: С. Настоящев.
Окружной Писарь: И. Кувинов.
Окружной казначей: В. Крыштопа.

24 мая 1934 г. Лион.

Открытое письмо „О-ву Р. К.“ в Париже.

Станишники ревнители!

А ведь вы, ей Богу, гении: открыли новый способ проявления гуманности и добродетели и... сбережений. Вернейший способ прослыть добрым человеком, получить благодарности и... денежки сберечь. В банк положить, — гляди того... лопнет и пропала. А здесь нет. Когда захочешь, требуй — получишь обратно. Целы и невредимы. Забыли вы еще о процентиках.

Ваш поступок, ей ей, заслуживает быть записанным золотыми буквами: имя рек придумали гениальным способом... В назидание потомству.

Вот только немножко не оттуда начали... Ведь некоторые из вас раньше жертвовали в казну Вел. князя Н. Н., ген. Науменко в Войсковую казну, на поездку в Америку, в фонд спасения родины и т. д. Не-

которые из вас в течение нескольких лет вносили в каждый из этих фондов ежемесячно по 5 дин. Какой капитал!

За пятнадцать лет я не сберег ни копейки, а тут вдруг предстает возможность быть богачем. Следуя вашему примеру, в первую очередь начну с вас, как с изобретателей. Шлю вам на вашу работу 00000... франков, но по получении обязательно верните с процентами, а я потом опять пришло. Благодарность тоже пришлите. И так без конца, от нечего делать, будем хоть забавляться. Авось спасем Казачество, да и денежки будут в кармане. В добрый час!

Н. М. Дмитренко.

18/V. Белград.

Казачья эмиграция.

На Большой Круг ВК.

Поступило: из Австралии от И. С. Комарова 1 ф. 5 ш. 6 п., от Ф. Ф. Карамышева 1 ф., от В. Ф. Карамышева 10 ш., от Ф. Ф. Сенотрусова 5 ш., от Ив. Карамышева 10 ш., от В. Карташева 4 ш., от Козака 5 ш., от Е. Курочкина 3 ш., от Д. Зевакина 3 ш., всего 4 фунта, 5 шиллингов и 6 пенсов. Получены в коронах — 517 кч. 20 г.

Из Швеции от А. С. Тырина 5 шв. крон.

ВК во ФРАНЦИИ.

В Оше.

Вольноказачий хутор имени Ат. Некрасова в гор. Оше на очередном собрании 28 апр. 1934 года постановил:

1. Избрать второго помощника атамана. Единственно выбран Афанасий Ефимович Ильинов.

2. Повысить членский взнос на 1 фр. для отсылки в Окружное Правление вольных казаков в Лионе.

3. Установить хуторские собрания через воскресенье для прочтения рефератов и вольноказачьей литературы.

4. Нами был рассмотрен подосланный журнал оппозиции „Казакция“. Члены хутора единогласно выражают энергичный протест: довольно распрей, пора уж объединиться под одним Вольноказачьим знаменем. Постановили уничтожить всю литературу, подсылаемую со стороны оппозиции.

5. Единогласно выражаем полное доверие инж. И. А. Билому.

6. Просить Окружного Атамана вольных казаков во Франции посетить в. к. хутор в Оше.

Хут. атаман: А. Усатов.

Пом. атамана: А. Ильинов.

За писаря: (подпись неразборч.)
Казначей: Строгонов.

В г. Сен-Мартин.

В субботу 28-го апреля с. г. состоялся публичный доклад Окружного Атамана ВК А. К. Ленинова на тему „Отход казачьих масс от б. казачьих вождей“. На собрании председательствовал старший ВК группы в г. Сен-Мартин — Гр. Пятибратов.

Доклад был выслушан с неослабеваемым вниманием. Когда было предложено задавать вопросы докладчику, то не нашлось ни одного казака, который не задавал бы какой-либо вопрос. Единственный оппонент, местный „рогач“ из „русских казаков“, полк. Посвов, стремившийся защищать ген. Богаевского и его окружение, был разбит мотивированными выступлениями А. К. Ленинова. В конечном итоге сам г. Попов поставил себя настолько в невыгодное положение, что заявил: „Ну, а если ген. Богаевский уйдет на покой, то все-же мы, казаки, должны будем признать авторитет казачьего генерала, назначенного ген. Богаевским на пост Донского Атамана!“

Под негодующие крики всех казаков, присутствовавших на собрании, г. Посвов ушел из собрания...

Доклад А. К. Ленинова имел своим следствием то, что в нашем округе работающие на шахтах казаки также поднялись и стали в ряды Вольного Казачества. Слава Казакии!..

(Соб. кор.).

*Наш сотрудник Иван Андреевич
Скобелин — казак ст. Михайловской.
В. В. Д.*

В Туркуане.

20 мая 1934 г. просветительный кружок вольных казаков имени Атамана Булавина в гор. Туркуане, на севере Франции, объявил о своем официальном открытии и сделал свое первое открытое публичное выступление. Ко дню официального открытия кружка прибыл в г. Туркуан Окружной Атаман в. к. во Франции А. К. Ленивов и сделал доклад на тему „Казачья Голгофа“ (восстание Атамана Булавина).

Собрание было открыто председателем кружка, сотником А. Г. Дроновым. На открытие кружка и на заслушивание доклада были приглашены и казаки из Лилля, Рубэ и Туркуана, не состоящие в рядах Вольного Казачества, которые и явились в числе около 20 человек. Вместе же с вольными казаками присутствовало 32 человека, из числа коих несколько казаков пришло из г. Омон.

Открывая собрание, председатель, сотник А. Г. Дронов, сказал вступительное слово, призывая всех казаков задуматься над вопросом, что такое Казачество, и над страшной трагедией, переживаемой казачеством, над головой которого занесен меч, готовый обезглавить и уничтожить его, а память о нем стереть с лица земли. Обрисовав те муки, которые терпит оставшееся в родных Краях казачество, и напомнив о долге и обязанности, которые должно выполнить казачество, ушедшее в эмиграцию, А. Г. Дронов призывал казаков забыть все личные распри и ссоры, во имя памяти всех казаков павших в борьбе за Волю казачью, во имя славной седой старины, во имя символа — „мы казаки“; собраться воедино вокруг чисто казачьих, овеванных славою, знамен и дружно стать на защиту поправных прав Казачества.

Заканчивая свое вступительное слово, председатель представил всем собравшимся казакам приехавшего Окружного Атамана и просил всех с должным вниманием и спокойствием выслушать его доклад.

Кратко в сжатой форме, но четко и ясно говорил и пояснял А. К. Ленивов о том, что такое Казачество, его историю возникновения и его самостоятельную жизнь в эпоху его появления как „народа“, его героическую борьбу за свои вольности в царствование русских царей Петра I-го, Екатерининскую эпоху и т. д.

— вплоть до теперешнего исхода за рубеж родных Земель. Ясно и правдиво сделал обрисовку личности Атамана Булавина, который гордо шел по тернистому пути с поднятым казачьим знаменем, на котором было начертано: „Воля!“, и пояснил причины, почему эта борьба не увенчалась успехом.

Доклад А. К. Ленивова длился более 2 часов. Во время доклада, несколько раз, казаки дружно приветствовали докладчика аплодисментами. Прямота, ясность и правдивость доклада привлекли внимание всех слушателей.

Когда А. К. Ленивов кончил свой доклад, председатель А. Г. Дронов от имени всех присутствовавших казаков сердечно поблагодарил докладчика за его обстоятельный доклад, давший казакам возможность услышать ту правду о Казачестве, которая так долго и упорно скрывалась от них. И снова дружные аплодисменты по адресу докладчика.

После доклада секретарем Антоновым было сказано несколько слов о славе и подвигах казачьих и жизни на Тихом Дону. Как казак душою и сердцем, с волнением в голосе также призывал всех казаков, кому дорого Казачество, стать на вольно-казачий шлях и смело идти на завоевание поправной казачьей свободы и освобождение из вражеского плена изнемогающего от пыток палачей Славного Седого Тихого Дона Ивановича.

Что доклад А. К. Ленивова произвел сильное впечатление на присутствовавших казаков, доказывается тем, что из всех присутствовавших на докладе нашлось всего четыре оппонента, задавшие вопросы, — два в письменной форме и два устно, — на которые докладчик ответил ясно и обстоятельно, в свою очередь ставя вопросы оппонентам:

— Ведь это же возможно так? Как вы думаете?

— Да, это вполне возможно, — ответили оппоненты.

После доклада мне пришлось услышать несколько суждений, высказанных казаками, пришедшими послушать доклад. Должен сказать, что хотя эти казаки и не состоят в рядах в. к., но по высказанному ими суждению можно судить, что доклад Окружного Атамана оставил в их душе глубокий след. Сказанная правда о Казачестве, о его жизни и борьбе, о его мученической голгофе затронула не зажившие еще раны казаков и заставила их действительно задуматься над судьбою Казачества, над самим словом казак, и, как видно, для них это слово еще не является пустым звуком, но сбиться с толку обанкротившейся казачьей старшиной — они стали на передуть. Они прекрасно чувствуют и понимают, что Казачество — на краю гибели, что надо спасать его, надо бороться, но сбиться с толку не знают, как это надо делать. Сказанная докладчиком правда и ярко обрисованное трагическое положение Казачества разбудили в них сознание и напомнили, что надо делать, чтобы спасти Казачество. Если некоторые казаки, слушавшие доклад, не состоят еще в рядах В. К., то после доклада в душе они уже стали вольными казаками. Это было видно по их напряженному вниманию, по грустному выражению их лиц, ярко определяющему признаки волнения. Это доказывает, что страдания казачества отражаются с болью в их сердце и душе, что казачество еще живо, а это верный залог того, что не далеко то время, когда все казаки, наконец, поймут свой долг, плотно сомкнут свои ряды и дружно, всеокружающей казачьей лавой ринутся в бой за казачью Волю, за спасение своих родных Земель, за право быть самостоятельным народом и равноправным членом в семье народов, чтобы потом в мирном труде хранить и увеличивать наследство, завещанное нам предками — неутомимыми брцами за Свободу Казачества.

По окончании доклада вольные казаки собрались на квартире председателя кружка А. Г. Дронова, где, по специальному приглашению правления, настоятелем прихода, протоиереем Иоанном Поповым был отслужен молебен. После, в кругу дружной в. к. семьи, собравшиеся предались воспоминаниям о бывшей славе Казачества и делились своими мыслями о настоящем. Помимо казаков были и дамы: госпожа Дронова, Антипова и Зубко.

Казак-украинец Зубко (член нашего кружка в. к.),

поднимая бакал вина, кратко высказал искреннее стремление украинцев и их жажду освободить от иностранной опеки свою родину и устроить жизнь свою свободной и самостоятельной. Благодарил А. К. Ленинова за его прекрасный доклад, а вольных казаков-булавицев поздравил с открытием в. к. кружка, как очага борьбы за правое дело. Призывал ружно и смело ковать счастье казачества и твердо стоять на в. к. шляху, без страха, с верой в правоту своего дела и с открытым забралом, рука об руку с украинским народом, имеющим одинаковые цели и стремления, идти к достижению намеченной цели: к свободе двух братских народов. Слова казака Зубко были покрыты дружными аплодисментами, громким „ура“ и возгласами: „Да здравствует свободная Украина! Да здравствует Казакия!“

Дружно, мирно и весело шло празднество вольных казаков булавицев. Были тосты за всех вольных казаков, за смелых и отважных борцов за Волю Казачью. Были тосты за неутомимого борца и руководителя ВК И. А. Билого и Окружного Атамана А. К. Ленинова. Были песни казаки о славной старинушке и подвигах казачества.

На прощание был приглашен фотограф и снял всю вольно-казачью семью булавицев с их гостями, после чего Окружной Атаман А. К. Ленинов поблагодарил булавицев за радушный прием и еще раз попросил накрепче все силы и непоколебимо идти по в.-к. шляху.

Да здравствует Вольное Казачество! Вперед за Волю!

В. Богданов.

P. S. От ред.: фотография будет помещена в следующем номере.

ВК в ЮГОСЛАВИИ.

В Белграде.

Вольно-казачья вечеринка.

20 мая с. г. Обще-каз. студ. станица, совместно с В. К. хутором и обществом вольных казачек, устроила вечеринку.

К 8 час. вечера зал был переполнен казаками и казачками. Как и всегда, для в. к. милыми гостями были братья украинцы и казаки других организаций. Заметно было присутствие и югославян, пришедших послушать „козачке песни“ и посмотреть казачьи танцы.

Чтение литературных произведений сменялось песнями, танцами и музыкой.

П. С. Поляков своей поэмой „Станица Терновская“ вызвал бурю аплодисментов. Также были награждены рукоплесканиями за свои стихотворения в. к. С. Щепихин и Г. Козлов.

Гвоздем вечера было пение г-жи Покровской и исполнение каз. песен А. П. Черным и Н. Ф. Букиным.

А. П. Черный своей игрой на бандуре захватывал казаков и уносил их к берегам родных Краев, туда, „де козацтво гине“. Г-жа Резникова, жена в. к., прекрасно спела югославянский романс.

Все дамы певицы были награждены красивыми букетами цветов. Союз вольных казачек устройством буфета и лотереи много помог успеху вечера. В лотерею были пущены бутылочка коньяка, подаренная Н. М. Дмитренко, и... жареный ягненок. Лотерея прошла успешно, дав приличный доход.

Под звуки гармошки виртуоза С. Щепихина казаки доставили удовольствие своими танцами присутствующим, в особенности югославянам.

Успех вечера — огромный. Публика с неохотой покидала зал и просила устроителей позаботиться о скорейшем устройстве другого вечера.

Своей спайкой вольные казаки и казачки завоевывают всеобщую симпатию.

(Соб. кор.)

Доклад г. Воронцова.

16 сего мая в Русск. оф. доме прибывший из советской России некий Воронцов (не казак) читал доклад о положении Казачества в СССР. Доклад устроил 1-й Куб. Мокролуцкий куринь.

После вступительного слова атамана куриня Кулин и прочтения доклада одного словенца о положении в советской России, выступил Воронцов, заявивший, что доклад свой он строит на разговорах с казаками, бывшими на Соловках. Нужно заметить, что несколькими днями раньше, на докладе в студенческом общежитии, на вопрос студентов-казаков, что делается в Казачьих Краях, Воронцов ответил: „Не знаю ничего о положении там и ничего не могу рассказать вам, т. к. в Казачьих Краях не жил“... И вдруг — на тебе: целый доклад о положении Казачества в советской России!..

Внимательно слушавшему нетрудно было сделать заключение, что г. Воронцов знает о Казачестве, его чаяниях и положении там ровно столько, сколько белградские казаки о его прабабушке.

Собственно, из за этого доклада не стоило бы поргить бумага, если бы не конец доклада, где Воронцов начал призывать Казачество „заглянуть в свою совесть и... объединиться с русской эмиграцией“ (Интересно, заглянул ли он сам в свою совесть перед началом доклада, или же она у него осталась советская?)...

В последнее время советская пресса наполнена криками о растущем самостийном национализме „украин“, в том числе и в Казачьих Краях. Заграничные русские политики, встревоженные этим фактом, бьют в набат. А по Воронцовски — ничего нет, и Казачество только и думает о том, чтобы объединиться с москалями и спастись их.

Вне всякого сомнения (это можно было заключить по самому построению), что доклад этот сфабрикован здесь, при содействии единоплеменников. Все в докладе сводилось к тому, что будто бы среди Казачества нет никаких национальных, самостийных стремлений, и что Казачество там объединяется с москалями... Откуда сие? Сам Воронцов заявил, что в Казачьих Краях не был. Как же может человек, не живший и не соприкасавшийся с казачьим народом, говорить о его чаяниях и настроениях?.. В 1930 г. старый казак писал из станицы: „... „Если пропустите еще — на Кубани не будет казачья... Московские ваньки живут в казачьих домах, на казачьих землях. Казаков выселяют“... Прекрасное объединение!..

Кто же врет? Советская пресса, эмигрантские вожди, не скрывающие факта самостийных стремлений Казачества, письма казаков оттуда — или Воронцов? Предоставляется казакам самим судить.

(Соб. кор.)

ВК в Ч. С. Р.

Приговор

вольных казаков и украинских казаков, проживающих в городе Novém Klně и его окрестностях.

Мы, казаки, собравшиеся 21 мая 1934 года на хуторской Сбор, заслушав информации станичника Михала Голицына, решили:

1. Стать в ряды Вольного Казачества, образовав из себя Вольноказачий хутор в Novém Klně.

2. Атаманом хутора выбрали единогласно старого кубанца Георгия Милькина.

3. Помощником хуторского атамана выбрали староро пластуна Андрея Сметанку.

4. Нашему Будителю, редактору „Вольного Казачества“, инж. И. А. Белому, выражаем свою глубокую благодарность за то, что он нас разбудил, и желаем ему вести нас и дальше так же твердо и смело, как ему 6 лет до сих пор, и поскорее добиться за каждую цену создания нашей республики — Казакия.

5. Привет всем вольным казакам и их Вольноказачьим атаманам от нашего молодого в.-казачьего хутора.

6. Создать при нашем в.-казачьем хуторе в Novém Křpně „Кружок вольных казаков“.

7. Выражаем свою глубокую благодарность помощнику хуторского атамана, старому пластуну Андрею Сметанке, и его жене за то, что предоставили свое помещение для нашего Сбора и проявили большую деятельность в создании нашего хутора.

Волноказачий хуторской атаман в Novém Křpně **Георгий Милькин**.

Помощник хуторского атамана **Андрей Сметанка**.

Иван Алферов, Роман Басов, Осип Вертюх, Михаил Голицын.

ВК в БОЛГАРИИ.

Ответ „Наб. Каз.“ из Ески-Джумая.

Многоуважаемый станичник Редактор!

Прошу поместить в уважаемом нашем журн. „ВК“ нижеследующее:

В газете „Набат Казачества“ от 20.IV с. г. на стр. 3 есть заметка „Хулиганство самостийников“. Для сведения всех в. казаков, не читавших эту заметку в названной газете, привожу ее целиком для того, чтобы знали как пишут о нас младороссы:

„30 января с. г. в г. Ески-Джумая (Болгария) было произведено ночью гнусное нападение группой самостийников билковского толка, во главе со своим „атаманом“ М. Туроверовым на дом, в котором проживали несколько казаков-стариков славного Ески - Джумайского звена союза мл-сов. Разбив лампу, изверги набросились в темноте на беззащитных стариков и начали их избивать кулаками и железными палками. Старшине звена И. Ф. Горемыкину, 65 лет, была в трех местах проломлена голова, в пяти поранена, рассечена шея, руки, опухоль и кровоподтеки по всему телу. А. А. Буянову, 68 лет, бутылкою разбили голову. Я. Т. Чекунову, 62 лет, нанесли большую рану в глаз. Пришедшему в гости В. Николаеву также в двух местах проломили голову. Эти старики известны тем, что они первыми из казаков вступили в ряды законопослушных с самого 1924; и с тех пор они проявляли во всем редкий образец. Они же первые пострадали за святое дело верности заветам отцов. Нашим славным старикам желаем полного выздоровления и еще большего духовного зкала. Невинная кровь стариков требует возмездия, и она отомщена будет. Мы — не вегетарианцы. На начинающего Бог“.

Было же дело так. Ежегодно, с 1923 года и до сего времени, т. е. со времени приезда нашей станицы из лагеря „Селимье“ в Константинополе в гор. Ески-Джумая, местная власть и жители города угощали нас, казаков и русских (последних здесь находится не больше 5—6 человек), вином в знак признательности за освобождение 30.I 1878 г. (17.I ст. ст.) города Ески-Джумая от черкесов и башки-бузуков, оставшихся при отступлении регулярной турецкой армии грабить и вырывать мирное болгарское население города. Освободила город сотня донских казаков, пришедших из гор. Осман-Пазара по просьбе местных болгар, тайно бежавших с этой целью в О.-Пазар. В нынешнем году также пригласили нас на угощение. Казаки же младороссы, которых здесь, как кот наплакал (6 стариков, пропивших ум), заявив перед этим в общину, что они с самостийниками „вместе угощаться не будут, ибо они боготступники, не признают императора Кирилла царем“, и выключивши себе от общины 200 лева, задали в день освобождения пир горой на квартире волостного старшины Горемыкина, пригласив, конечно, к себе и русских. Хотя последние и не младороссы, но это им не мешает объединяться с нашими кирилловцами, так как у них одно с ними желание: видит Россию, хотя и советской, но единой и неделимой.

Мы же всей станицей отпраздновали день освобождения города в хотеле „Борис“, где провели время от часу дня до 6 вечера. С нами были несколько часов представителя местной администрации и общественности. Как и полагается, было сказано много речей на тему дня. Была сказана болгарином, жившим у нас на

Дону, речь о неладах между нами, вследствие, мол, чего не все здесь находятся. На это ему ответили обо всем детально, что причина эта от нас не зависит, а от тех, кто не пришел сюда и т. д. По окончании беседы станичный атаман М. К. Туроверов, желая выяснить лично причину отделения младороссов в нынешнем году от общего угощения и пригласив трех казаков, пошел с ними к младороссам.

Придя к ним и получив от хозяина квартиры и пира Горемыкина разрешение войти, все вошли в дом, и атаман стал выяснять недоразумения, предварительно испрошив для этого согласия всех присутствующих. Г. Горемыкин в это время поднес по одной чарке вина пришедшим и стал отвечать Туроверову. В этот момент русский Василий Николаев, до этого времени славившийся сильным, ударил атамана со словами: „Вот тебе Казачество!“ В одно мгновение все казаки-младороссы, которых было в то время на пиру 4 человека, и второй русский Митрошкин кинулись помогать и бить остальных наших самостийников (вероятно, по инструкции самого доктора прав г. Чапчикова, который при объезде младоказаков в Болгарии поучал: „В тесном месте бейте самостийников — вот так, вот так“) в надежде избить, как следует, и выкинуть из хаты и двора, ибо их было 6 человек, а наших 4. Но... вышло обратное: сами оказались битыми...

Винить в этом, конечно, следовало бы младоказакам самих себя. Не кидайся на своих гостей, не начинай...

На другой день в стане младоказаков и русских было затишье: занимались хождением и жалобами: то в общинское управление, то в околийское, то в городскую амбулаторию для перевязки и получения бесплатных медицинских свидетельств о побоях...

Дело завершилось подачей коллективного заявления от 4 младоказаков и 2 русских на имя околийного начальника с просьбой „интернировать 4 „нападавших извергов“ самостийников из города“.

По расследовании дела выяснилось, что нападавшими были они — младороссы и русские. Дело, таким образом, и прекратилось.

Битые же остались недовольными этой резолюцией и подали жалобу в мировой суд, который 24 марта с. г. вынес нижеследующее решение: признать всех участников драки виновными, а именно — наших самостийников за драку, а младоказаков и русских за нападение и драку; и осудил: 1. М. К. Туроверова к 2 месяцам заключения, 2. Илью Н. Карпенко к 3 месяцам, 3. Иосифа Сватенко к 1 месяцу и 4. Алексея Логачева к 1 месяцу; младоказаков: 1. Ивана Ф. Горемыкина на 4 месяца, 2. Якова Т. Чекунова на 3 месяца, 3. Л. Авд. Буянова на 3 месяца и 4. Андрея Лавренова на 4 месяца; русских: 1. Василия Николаева к 4 месяцам и 2. Митрошкина Федора к 4 месяцам. Всех, как самостийников, так и младоказаков, суд осудил на столько же тысяч лева, на сколько месяцев каждый осужден. Кроме того, адвокатские и другие судебные расходы взысканы были с каждого пропорционально сроку заключения.

После суда, спустя неделю, „помирились“ и прекратили дело.

Итак, читатель, сочти: кто же больше осужден? А раз кто больше, тот и виновнее...

Можно пожалеть только об одном: г. Чапчикова ведь был здесь, в Ески-Джумая, и не случилось же тогда того, что описываю, а то бы он, пожалуй, и забыл бы, откуда и приехал. Да, действительно получилось „на начинающего Бог“!

С в.-казачьем приветом

Уважающий Вас И. Д. Кузнецов.

4/VI-1934 г. Гор. Ески-Джумая.

Р. С. Вышеназванные младоказаки до 1926 года состояли в нашей станице, но за недисциплинированность, неподчинение и категорический отказ вносить членский взнос, были позорно выкинуты из последней, как скандальный и негодный элемент.

Если такие казаки считаются у младороссов „образцовыми“, то какие же должны быть младоказаки и младороссы в других кирилловских организациях?!

И. К.

Душу положившим за родные Края.

В одном из углов греческого кладбища приютилось кладбище русское. Это единственное убежище, где можно укрыться от ужасного закона, в силу которого здесь останки покойника через 3 года варварским образом извлекаются из могилы и, в лучшем случае, в особой урне хранятся в специальном хранилище, в худшем (когда, напр., нет родственников и вообще близких), — кто знает, какая участь постигает эти останки. Мне пришлось быть свидетелем извлечения костей, освободившихся от кожных и мышечных покровов, но пришлось видеть и случаи ужасных неожиданностей: покойник извлекался преждевременно, что производит особенно тягостное впечатление... На русском кладбище — плиты на могилах моряков, прекрасный памятник-глыба — тоже морякам. Дети, женщины, мужчины разных рангов и положений и... скромные могилки родных казаков...

С разрешения настоятеля русской церкви в Пирее, протоиерея о. Павла Крахмалева, я составил список погребенных казаков и решил опубликовать его. Пусть знают родные, близкие, друзья, — кому надо петь жуткую песнь о вечной, вечной памяти...

Часть этой работы посылаю редакции в полной уверенности, что живыми будет оказано внимание мертвым, и имена последних не останутся неизвестными...

СПИСОК.

1. Журавлев Дм. Тим., 25 л., фельдшер 1 Лабинского полка. Туберкулез легких.
2. Манжиков Санжа Настиневич, 43 л., ст. урядник Калм. Зюнг. полка. Туберкулез легких.
3. Савченко Назар Павл., 34 л., полковник 1 Кубанского казачьего полка, из Екатеринодара. Туберкулез легких.
4. Елданов Пахом Мих., казак из гор. Майкопа, рядовой интендантства 2-й дивизии. Воспаление почек.
5. Чиков Ник. Мих., вахмистр отдельной Сальской сотни, Атаманской ст. Сальского окр. О. В. Д. Туберкулез легких.
6. Платов Георг. Алексеев., хорунжий 1 Лабинского полка. Ущемление грыжи.
7. Моторкин Иаков Власев., подхорунжий 5-го Донск. Атам. Платова полка. Кровоизлияние.
8. Перетертов Поликарп Алексеев., вахм. 5-го Донск. Атамана Платова полка.
9. Разсказов Александр Порф., подх. 5 Донск. Атамана Платова полка, 25 лет. Грипп.
10. Горбунов Леонтий Александр., казак 5 Донск. Атам. Платова полка, 20 л. Инфлюенца.
11. Разсказов Гавр. Дм., подх. 5 Донск. Атамана Платова полка, 21 г. Инфлюенца, осложненная воспалением мозга.
12. Шинкаренко Васил. Гавр., Кубанск. Корниловск. полка, 23 л. Инфлюенца, осложненная воспалением мозговых оболочек.
13. Кириленков Серг. Авр., 27 л., казак 1 Донск. Казачьего полка. Малярия.
14. Болдырев Илья Ив. 26 л., Краснокутской ст., хут. Власова О. В. Д. Малярия.
15. Коновалов Иос. Семен., 40 л., Новочеркасской ст., хут. Соколовско-Кюндрючевского О. В. Д. Малярия.
16. Палкин Матвей, 32 л., ст. урядн. Донского казачьего полка, Каменской ст., Донецкого округа. Малярия.
17. Черноморов Вас. Дм. 36 л., хорунжий 1 Запорожского конного полка. Туберкулез легких.
18. Шумеев Петр Ильич, 31 г., урядник 1 Лабинского ген. Засса полка, ст. Вознесенской Куб. Области. Малярия.
19. Калатович Яков Ив. 36 л., подхорунжий (?). Воспаление легких.
20. Смолянкин Степ. Филипп., 34 л., 4-го Стрелкового Кубанск. полка, Еременской ст., Лабинск. отд. Куб. Обл., Малярия.
21. Шестопапов Ив. Ем. 33 л., вахм. 4 Донск.

- Ат. Назарова полка, Каменской ст. О. В. Д., Малярия.
22. Бурлаков Дм. Фед. 32 л., хорунжий Сводно-Донск. Офицерского полка, Цымлянкой ст. Малярия.
23. Золотовский Петр Ив., 44 л., есаул 1 Донск. Казачьего полка, Вольно-Донской ст. Малярия.
24. Портянко Ст. Никол., 36 л., под'есаул 1 Лабинского генерала Бабиева полка, ст. Зеленчуковской Баталпаш. отдела Куб. Области. Малярия.
25. Башкатов Мих. Алексеев., 35 л., казак ст. Новотроицкой Куб. Обл. Круппозное воспаление легких.
26. Соколов Николай, скончался от падения с высоты (больница Еванголизмов).
27. Никитин Мих. Ив., 34 л., Донского корпуса, ст. Кумылженской О. В. Д. Туберкулез гортани.
28. Денисенко Матвей Ив., подхорунжий ст. Новоджерелевской Куб. Обл. Туберкулез легких.
29. Куприянов Фед. Ив., 52 л., ст. Морозовской О. В. Д. Дизентерия.
30. Коновалов Ив. Семенов., 22 л., юнкер Атаманского Военного училища, Новочеркасской ст. О. В. Д. Воспаление мозговых оболочек.
31. Черный Гр. Гр., 30 л., казак 3 Кубанск. Стрел. полка, ст. Приморско-Ахтырской Куб. Обл. Столбняк.
32. Войнов Илья Ив., 24 л., лейб-гвардии Атаманского полка, казак ст. Екатерининской, О. В. Д. Столбняк.
33. Аведиков Тихон Гр., хорунжий бронепоезда „Ген. Алексеев“, 26 л., ст. Митякинской О. В. Д. Столбняк.
34. Бондаренко Никита Гр. 30 л., старший урядн. 1 Кубанск. Стрелк. полка, ст. Ивановской Таманск. отд. Куб. Обл. Чахотка.
35. Размиров Тим. Андр., 23 л., ст. Сергиевской О. В. Д., казак 4 Донск. Атамана Назарова полка. Тиф.
36. Гончаров Ив. Илл. 25 л., казак 4 Донского Атам. Назарова полка, ст. Кривянской О. В. Д. Столбняк.*)
37. Попова Мар. Венедиктовна, сестра милосердия лазарета 7-й пехотной дивизии, вдова полковника, Атамана Кавказского отдела Куб. Обл., 62 л. рак желудка.
38. Дертегов в Баше Кульбаков, 24 л., ст. урядник Астраханского конного полка, Ставропольской губ. Медвежинского уезда Большого Дербетского улуса. Малярия.
39. Таранова Юлия Артуровна, жена войскового старшины Куб. Каз. Войска, Владимира Ив. Таранова, 20 л. Дизентерия.
40. Ренсков В. Александрович, вольноопределяющийся 1 Донск. казачьей гаубичной батарее, 29 л., ст. Новочеркасской О. В. Д.
41. Кравченко Сергей Афанас., ст. урядник 1 Терского Казачьего полка, Ставропольской губ. села Воронцово-Александровского, 22 л. Ранение в грудь.
42. Ковалев Борис Мих., сотник Сводно-Конного полка, О. В. Д., 27 л. Туберкулез.
43. Крюков Вас. Фед., сотник ст. Скуришенской О. В. Д., 27 л. Туберкулез легких.
44. Попов Тимофей, сотник Туберкулез.
45. Власов Иван, каз. ст. Баklangовской О. В. Д., 28 л. Круппозное воспаление легких.
46. Черный Андр. Никол., 29 л., подхорунжий вольного казачьего полка, ст. Степной Таманск. отдела Куб. Обл.
47. Дельдинов Санжа Бомбиневич, 28 л., ст. Иловайской О. В. Д., хорунжий. Туберк. легких.
48. Черничкин Гр. Ефим., мл. урядник 5 Донск. Ат. Платова полка, 35 л., ст. Чернышевской О. В. Д. Туберкулез легких.
49. Макаренко Даниил Георг., мл. урядник 4 Донск. Ат. Назарова полка, О. В. Д. Воспаление почек.
50. Чебуряков Алексей Яковл., вахмистр команды при Атаманском военном училище, 25 л., ст. Екатерининской, хут. Ясиновского О. В. Д. Брюшной тиф.

*) Молодые казаки з №№ 31, 32, 33, 36 стали жертвой ошибки: вместо соответствующего вскрывания им влили сыровотку столбняка. Несчастные погибли.

51. абишцев Яков Вас., 30 л., ст. Родняковской. Ку. Обл., казак 2 Лабинск. полка.

52. Морковкин Ив. Прокоф., 40 л. Туберк. легких

53. Лоза Гер. Лукич, вахмистр, уроженец гор. Новороссийска. Туберкулез легких.

54. Космалев Ив., вахмистр, 36 лет., дизентерия, нефриз.

55. Калиш Евг. Влад., сотник О. В. Д. уроженец гор. Петербурга, 27 л.. Туберкулез кишечника.

Бондаренко Дм., казак ст. Степной Куб. Обл. 28 л.. Туберкулез легких.

57. Пасишный, 26 л., каз. ст. Новолешковской Куб. Обл. Малярия.

58. Краец Ив. Матв., казак ст. Роговской Куб. Обл. 32 л.. Туберкулез легких.

59. Андреев Мих. Сем., сотник, ст. Михайловской, О. В. Д. 40 л.. Туберкулез легких.

60. Бендюков Федор, казак ст. Хуторской Майкопского отдела Куб. Обл., 27 л.. Ушиб от автомобиля.

Примечания:

1) Большинство умерших — молодежь.

2) Туберкулез взял 30% жертв. Причины: тяжелая работа, известковая пыль, недоедание.

3) Дальнейшую работу можно производить только при непосредственном участии протоиерея о. Павла Крахмалева, на что он изъявил готовность.

4) Желательно, чтобы № журнала с этим списком был послан по адресам:

а) Union des Cosaques en Grèce, rue Beranger, № 24-a, Athènes.

б) Union des Cosaques, Volos, Grèce, rue Koumoundourou № 3.

в) Union des Cosaques, Camps russe, Chariloan, Salonique, Grèce.

5) Желательно, чтобы, независимо от политических течений, все казачьи печатные органы опубликовали список.

6) За ошибки в фамилиях, в названиях станиц, в наименовании частей — ответственности на себя не принимаю.

Бывший член Кубанской Краевой Рады и Кубанского Краевого Правительства А. Литовкин.

В Казаки.

Казачество не сдаётся.

Русские коммунистические вурдалаки и мужицкая саранча, облепившие родную нашу Землю, высасывают и пожирают все, что только может дать Край. Все эти МТС и партотри при колхозах предназначены не для того, чтобы путем интенсификации сельского хозяйства „повысить зажиточность“ насильно загнанного в колхозы казачьего населения, а чтобы выкачать возможно больше хлеба из Казачьих Краев для нужд российской коммунистической власти. Что колхозники голодают иногда не меньше „раскулаченных кулаков“ и всевозможных лишенцев, что колхозная система доводит население до людоедства, — на все это нынешним хозяевам Казакии наплевать. Голодаете? — Чорт с вами!.. Не нравится? — Сиди и не рыпайся!.. Протестуешь? Артачишься? Разводишь „белогвардейско-кулацкие антимоции“? — Иди кормить вшей в тюрьму и пополнять ряды невольников на Соловках!.. Мы же будем продолжать на Казачьей Земле дело „повышения зажиточности колхозника“ и... добьемся, наконец, того, что неугомонное и слишком вольнолюбивое казачество будет ликвидировано и заменено рабски-покорным русским быдлом...

Ограбленное, лишенное всех прав и измученное казачество продолжает, однако, бороться. Формы борьбы — самые различные: от так называемого „кулацкого вредительства“ до восстаний. Ни тюрьмы, ни ссылки, ни расстрелы не уничтожили казачий дух и не могут

убить стремление к освобождению от русских насильников. Казачество живет! Слава ему!

„Вредительство“.

Страницы ростовского „Молота“ пестрят доносами о разного рода „вредительствах“. Доносы эти под специфически большевицкими заголовками печатаются жирным шрифтом и непременно на видном месте. Вот несколько таких заголовков: „Под дудку кулацкого охвостья“, „Агенты кулака“, „Дезорганизация сева“, „Здесь руководят предатели“ и т. д.

Приводим несколько выдержек из „Молота“, свидетельствующих о непрекращающейся борьбе казачьего населения с оккупационной властью:

В Тацинском районе.

„Зазерская МТС тормозит завершение сева в Тацинском районе и во всей области.

Создалась благоприятная почва для подрывной работы классового врага. И он сейчас же этим воспользовался, протянул вредительскую руку к тяглу. Тягло доведено до безобразного состояния.

— Не знаю, что случилось с тяглом, — разводит руками председатель.

Полный простор для подрывной работы кулаков и подкулачников, и они ведут ее открыто, не стесняясь.

Характерно, что в бригаде этой кулацкой, контрреволюционной агитации совершенно не дается отпора“.

(12 мая).

В Каменском районе.

„В колхозе „Третий интернационал“, несмотря на все возможности уложить сев в сроки, колхоз на шестое мая посеял только 1.465 га из плана 2.249 га.

В колхозе полно людей, а между тем на работе их не хватает“.

(15 мая).

Из доклада в РОВС красного летчика:

„Красная армия оторвана от населения. Постоянно слышишь предостережения начальства: — Товарищ, вы попали в казачий район, остерегайтесь“...

„Советская власть более всего боится Японии и Германии“...

„Демократическими лозунгами с коммунизмом бороться нельзя“...

„СССР или Россия? — Да, господа, СССР, совсем не Россия“... „Те, кто здесь говорит о защите и неприкосновенности русской территории, делают вредное дело“...

„Все (эмигранты) считаются (там) помещиками, белогвардейцами, всех валят в одну кучу. Никаких различий между отдельными течениями не делают“...

В Тихорецком районе.

„Порошинская МТС на 13 мая план прополки колосовых культур выполнила только на 37,5 проц. Сильно отстают колхозы „Серп и Молот“ и имени Ровнякова.

В этих колхозах до сего времени не изжиты „сухие“ настроения: полоть, мол, не нужно, так как сухо, нет дождя. Ясно, что эти разговоры исходят от кулацкого охвоста, пытающегося сорвать борьбу за сохранение влаги в почве. Кулацкая провокация не разоблачается партийной организацией.

Кулацкие провокаторы пускают в ход все, чтобы сорвать прополку.

Порошинская МТС характерна для всего Тихорецкого района. В других МТС также с прополкой из рук вон плохо. Райком партии принял несколько решений, но эти решения плохо проверяются и поэтому остаются на бумаге.

Слово расходит с делом. В результате на полях Тихорецкого района сорнякам дают право на жизнь — там зеленеют осот, молочай и, уже, желтеет донник“.

(16 мая).

Восстания.

Борьба казачества с угнетателями не ограничивается „вредительством“. По сообщению весьма осведомленной украинской газеты „Новый Час“ (за 11.V.34)

... „козаки повстанці пошкодили міст на Кубані. Відділ ГПУ, що був проти них висланий, повстанці розбили; але мусіли відступити в гори перед больш. силою... Ряди кавказських повстанців поповнюються що дня демобілізованими червоноармійцями.“

Из писем оттуда.

Пишет отец своим двум сыновьям (письмо датировано 30 апреля с. г.):

... „В 32 году я, мама, Ш., Т и ее трое деток жили Божьей милостью. У нас не было ни крошки своего хлеба. Мне пришлось просить в церкви у своих знакомых... Побираясь, я прожил до Пасхи, а от Пасхи мы питались зеленью. А в 33 году со второй недели поста мы не имели ни одной крошки хлеба, ни картошки, ни крупы. Нам предстояла голодная смерть... За хозяйство, милье детки, не спрашивайте — сад высох, все остальное — тоже. Да оно уже и не наше, о нем нечего беспокоиться. Я не знаю, где придется жить зиму. Хотя мы живем в своей хате (занимаем одну кухню), но не знаем, разрешат ли нам зимовать в ней или нет. Хорошо, если Ш. возьмет нас к себе, а если нет, то кошмар... Все мы, несчастные, живем в страшных бедствиях. Недавно к нам приходила за помощью З. Дети ее — пухлые от голода. Об одежде и говорить не приходится — все мы голые... Т. умерла в прошлом году от голода дома. П. — тоже, но в тюрьме; у нее осталось трое детей; что с ними, где они, — нам ничего неизвестно“...

Новые обреченные.

В предвидении плачевных результатов посевной кампании, оккупационные власти Казачьих Краев уже подготовились к принятию „соответствующих мер“ против непокорного населения. Как сообщает „Соц. Земл. (№ 70), уже теперь заготовлено большое количество отпечатанных удостоверений со следующим текстом:

„Дано настоящее гражданину... в том, что он исключен из колхоза, как систематический прогульщик, рвач, лодырь, не желающий честно и добросовестно работать в колхозе, не подчиняющийся элементарным правилам трудовой дисциплины. Просьба ко всем государственным, партийным и хозяйственным организациям гражданина... не допускать на работу.“

Это означает, что подготовлен новый „нажим“ на казачье население. Это свидетельствует о новом шаге русско-коммунистических властей Казачьи по пути планомерной ликвидации казачества.

Ударники, краснознаменщики, чертоплясы и вертохвосты.

Весьма характерно, что в списках „ударников“, усиленно расхваливаемых и поощряемых „Молотом“, почти совершенно не фигурируют

казачьи фамилии. Казакам едва ли скажут что либо такие фамилии, как Вяткин, Пузыревский, Кастовский, Пьяных, Беккер, Клинок, Орбов и пр...

В СССР большой „казенной“ популярностью пользуется теперь болгарский коммунист Димитров, судившийся в свое время по обвинению в поджоге германского рейхстага. Московские держиморды возвели этого „победителя Лейпцигской битвы“ в красные угодники. В числе разных знамен, предназначенных для вознаграждения особенно усердствующих ударников и подхалимов, появилось и „знамя имени тов. Димитрова“, предназначенное для соревнующихся колхозов Азово-Черноморского Края. По адресу Димитрова посыпались восторженные письма. В „М“ за 17 мая напечатано „открытое письмо“ от имени колхозников Зимовниковского района. Подписано это письмо лицами со следующими звучными и многоговорящими фамилиями:

Председатель колхоза Деннер. Бригадир Адольф. Инспектор по качеству Бредгауэр. Парторг Непомнящий. Ударники-колхозники — Бухгаммер, Крафт.

„Правда“, которая врет.

Наряду со статьями и доносами, отражающими картину хозяйственной разрухи и провала всевозможных начинаний сов. власти, в „Молоте“ печатаются также хвалебные отзывы о „достижениях“ некоторых колхозов. Насколько правдивы сообщения об этих „достижениях“ можно судить по следующей информации „Знамени России“:

„На „показательном процессе“ выездной сессии крайсуда по делу о растрате шерсти, подлежащей сдаче государству управлением колхоза „Имени Сталина“ (Белоглинский район Аз.-Черн. Края), между обвиняемыми и предсуда (произошел) такой диалог:

Предсуда: „Как же вы могли не знать об обязательной поставке шерсти государству, когда оно было опубликовано во всех газетах?! Вы получаете газеты?“

Обвиняемые: „Да, получаем „Правду“, „Молот“ и „Ударника“... Но разве им можно верить!?. „Правда“ осенью писала, что в нашем колхозе выдано на трудодень по 8 кг. зерна, а мы с декабря сидим на продпайке...“

Неизвестным остается только то, как „вознаграждены“ были обвиняемые за такой „контрреволюционный“ отзыв о рабоче-крестьянской прессе.

Кто педагоги?

Под таким заголовком в „М“ за 21 мая напечатан донос на педагога А. Трофимова, который „искривляет идейно-политическое направление лекций“:

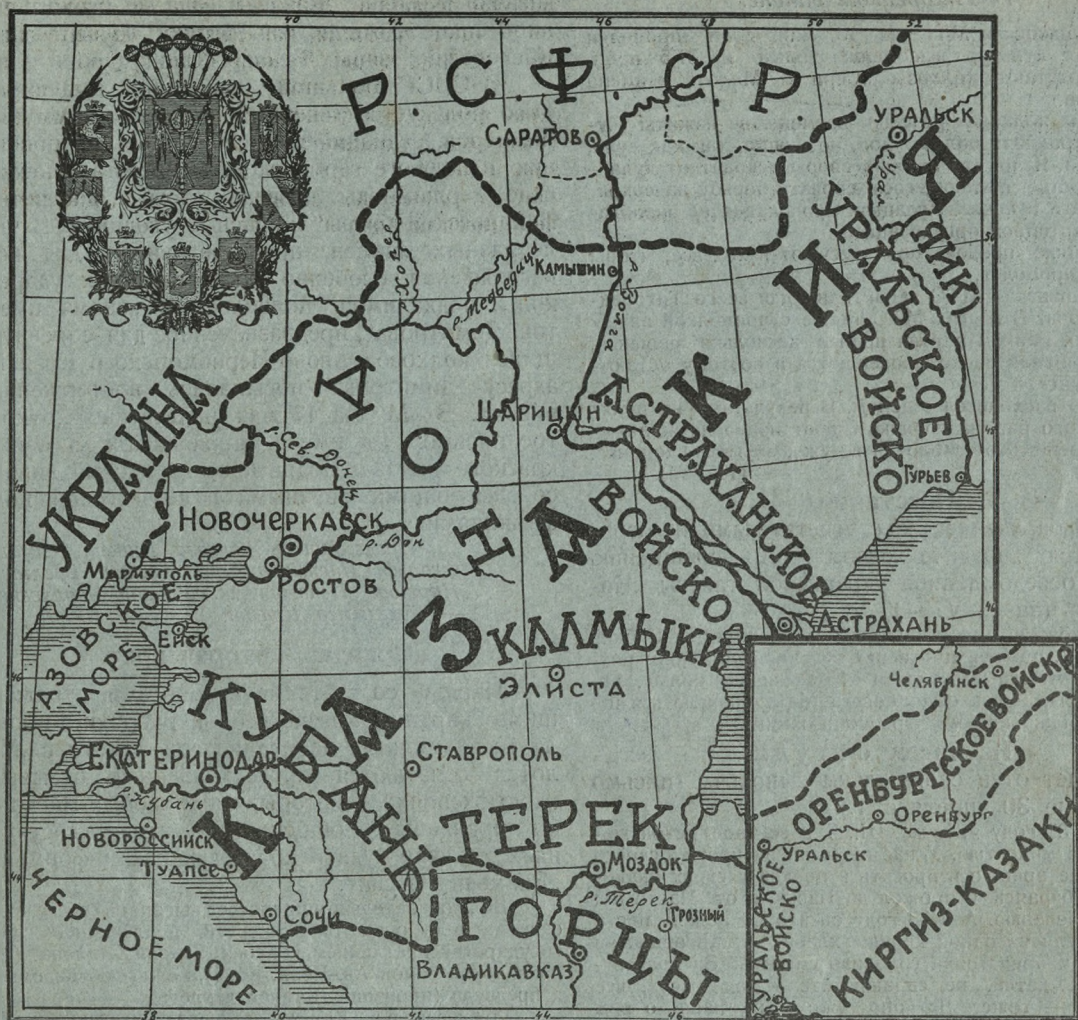
„Трофимов, воспитанник духовной академии, бывший белогвардеец, при прохождении темы: „Закавказье“, на втором курсе рабфака так и поучает своих учеников:

„Если наша страна хочет иметь виноград, она должна организовать за ним уход, чего в колхозах быть не может. Если отчасти у крестьянства и был уход, так это в единоличном хозяйстве. В колхозах ни черта не выйдет“.

Этот же Трофимов, делая обзор о кочевых племенах и народах, говоря о цыганах, заявляет: „Кочевье цыган прекратилось и потому, что в советской стране даже стало нечего воровать“(?).“

Напрасно только „М“ ставит в скобках восторжительный знак. Уж не рассчитывает ли он, что у обворованных до нитки казаков, по прочтении такой „характеристики“, восторженно подымутся брови? Нам кажется, что, прочитав вот такое сообщение, они скорее скажут:

— Здорово! Не в бровь, а прямо в глаз!

Продолжается подписка на 1934 год
на иллюстрированный журнал литературный и политический
„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“
выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: в С.С.Р. 1 корунову знамку, из-за границы
1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207,
Praha-Vinohrady, Tchecoslovaquie.